

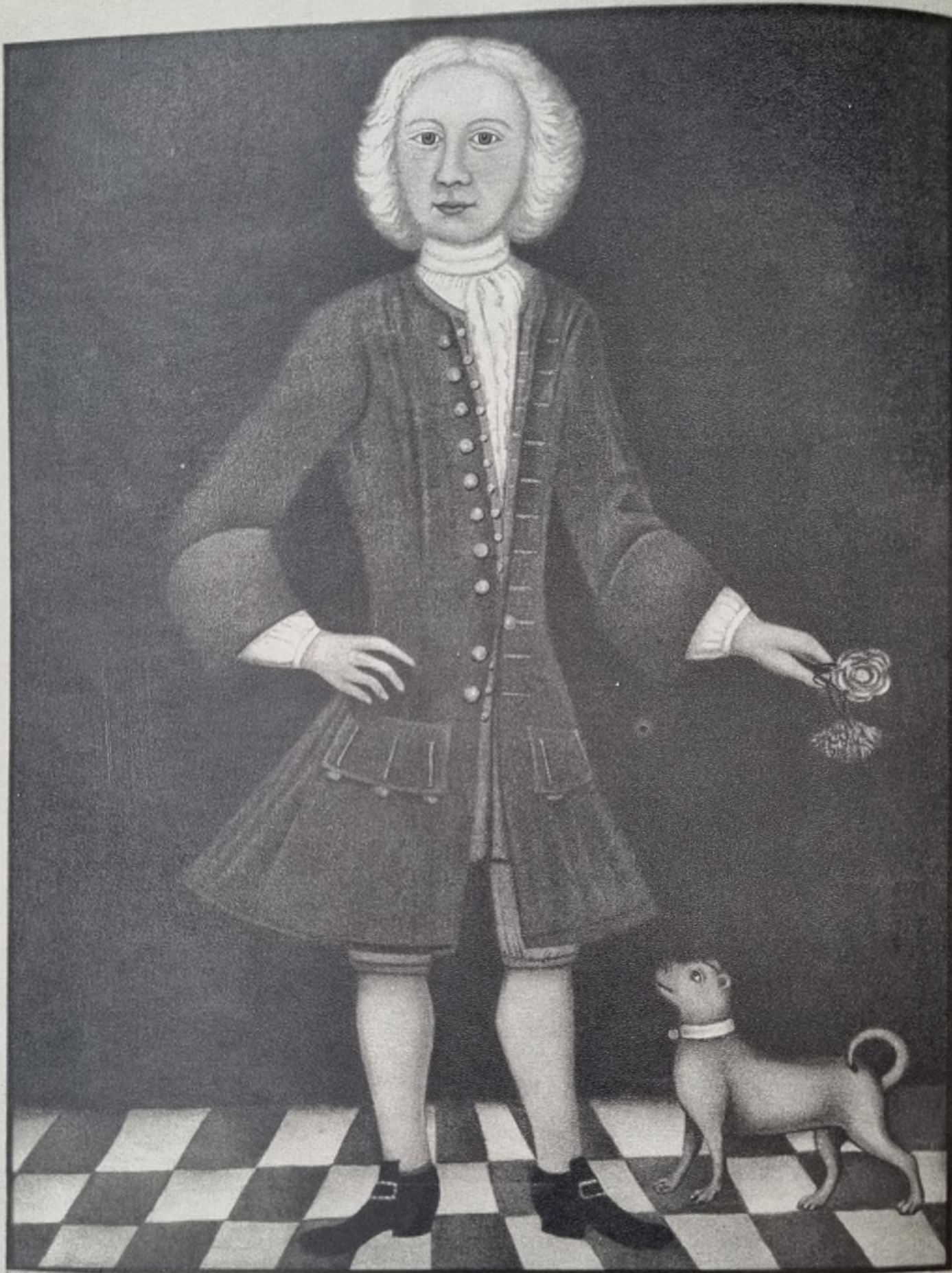

Окно, открытое в мир

Курьер

**АМЕРИКА
1776**

**первая
антиколониальная
революция**

Национальная галерея искусства, Вашингтон Фото С. Лорос, из книги «Картины американских портретистов», Большой Диорам, Париж 1944

СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА

С Ш А

Юноша с розой

В XVIII и начале XIX века в Америке стало развиваться искусство, правдиво отражавшее повседневную жизнь общества. Особенно преуспели в этом художники-самоучки. В своих работах, окрашенных мягким, «домашним» лиризмом, они запечатали незабываемые картины американского прошлого: сцены повседневной жизни, пейзажи и виды городов Нового Света до прихода века индустриализации. В портретной живописи того времени чувствуется чуть насмешливая интонация, подчас переходящая в карикатуру. Здесь представлен один из ранних портретов американской живописи — юноша с розой (ок. 1710) — кисти неизвестного мастера.

АВГУСТ 1976

29-й ГОД ИЗДАНИЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 15 ЯЗЫКАХ

Русском	Хинди
Английском	Тамили
Французском	Иврите
Испанском	Персидском
Немецком	Нидерландском
Арабском	Португальском
Японском	Португальском
Итальянском	Турецком

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (сентябрь-октябрь — сдвоенный номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала.

Адрес главной редакции ЮНЕСКО, ФРАНЦИЯ, Париж, 75700, Плас Фонтенуа

Главный редактор Сэнди Коффлер

Заместители главного редактора Рене Калоз Ольга Родель

Помощники главного редактора

русский яз.: Виктор Голячков (Париж)
английский яз.: Рональд Фэнтон (Париж)
французский яз.: Джейн Альбер Эсс (Париж)
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)
немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
арабский яз.: Абдель Монеим Эль-Сави (Каир)
японский яз.: Кадзуо Акао (Токио)
итальянский яз.: Мария Ремидди (Рим)
язык хинди: Н. К. Сундарам (Дели)
язык тамили: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
персидский яз.: Феридун Ардалан (Тегеран)
нидерландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)

турецкий яз.: Мефра Тельджи (Стамбул)

Литературные редакторы

английский яз.: Рой Мэлкин
французский яз.: Филипп Онэ
испанский яз.: Хорхе Энрико Адоум

Оформление: Робер Жакмен
Документация: Кристин Буше

ISSN 0304-3150

4 200-ЛЕТИЕ США
Генри Стил Коммаджер

9 АМЕРИКА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ
Робин У. Уиннс

10 НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ

12 ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
Фотоочерк

14 ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

15 О ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

20 «ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ»
Памфлет Томаса Пейна
Бернард Бейлин

23 ТОМАС ПЕЙН
и его роль в истории США
Жан Жансанс

25 ЦВЕТНЫЕ ВКЛАДКИ

31 ИСТОРИЯ «СВОБОДЫ»
Фотоочерк

34 ОПЫТ МНОГИХ НАРОДОВ И МНОГИХ КУЛЬТУР
Янь Лу Вань и Герберт Шивамбо Шор

38 ФИЛАНТРОПИЯ В ИСКУССТВЕ
Фотоочерк

40 ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ИСКУССТВ
Национальный фонд искусств и его значение в культурной жизни США
Нэнси Хэнкс

44 АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕНА
Уильям У. Дэвенпорт

2 СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА
Юноша с розой (США)

ОБЛОЖКА

На первой странице обложки показана часть флага 1776 года, который, согласно одной из традиционных версий, считается первым флагом со звездами и полосами в американской истории (другие версии отрицают это утверждение). На флаге 13 белых и красных полос и 13 звезд на голубом поле, которые символизируют 13 штатов, составлявших в то время Соединенные Штаты Америки. Сегодня в США — 50 штатов.

Фото © Американский Экспресс Компани, Нью-Йорк

Макет и фото обложки © Чарльз и Рей Имикс, Калифорния

На четвертой странице обложки — факел статуи Свободы в нью-йоркской гавани, которую реставрировали к 200-летию юбилею США. Обратите внимание на рабочего, бесстрашно взобравшегося на самый край факела, который теперь можно увидеть в ночное время с гораздо большего расстояния. См. материал на стр. 31—33.

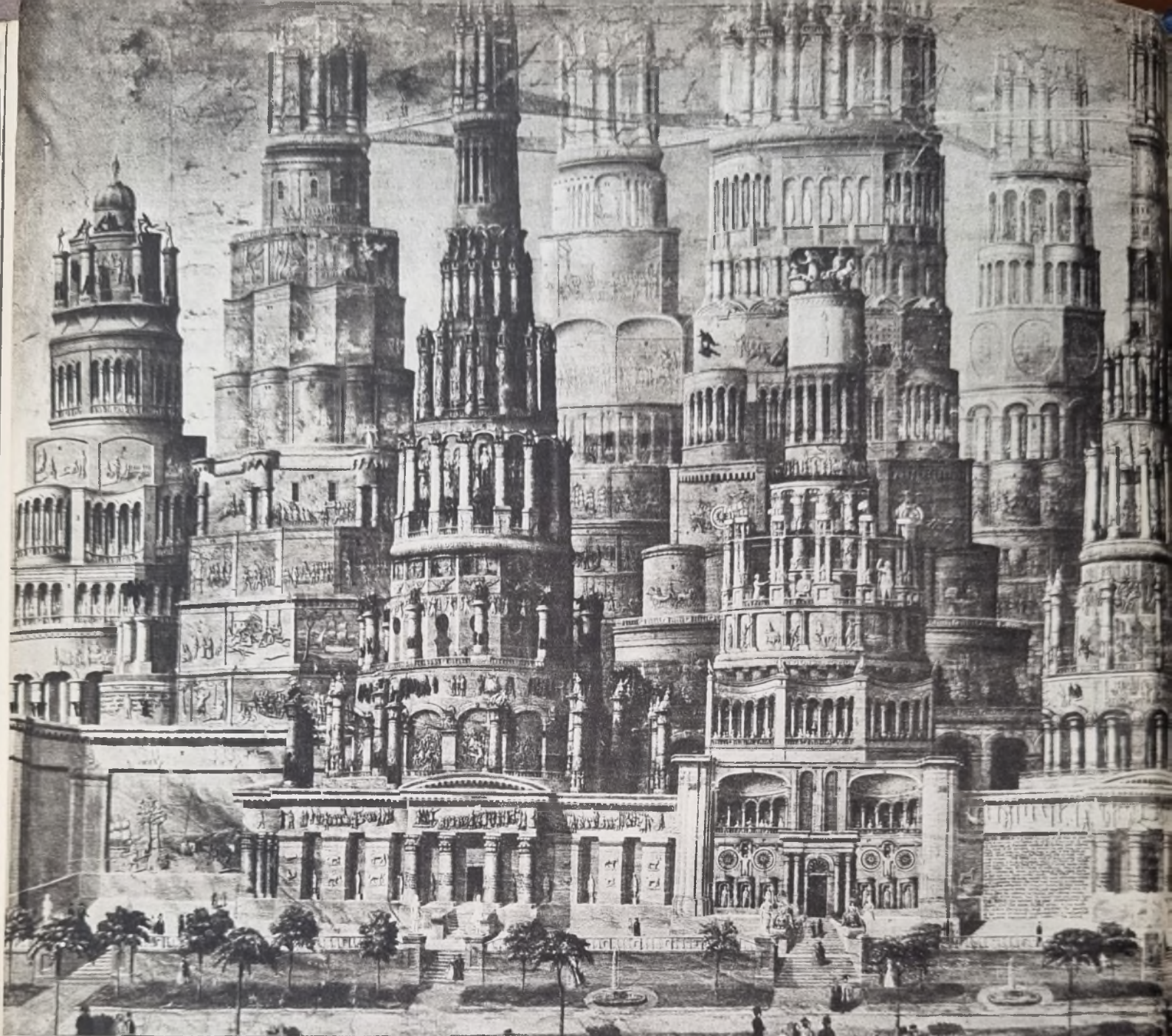

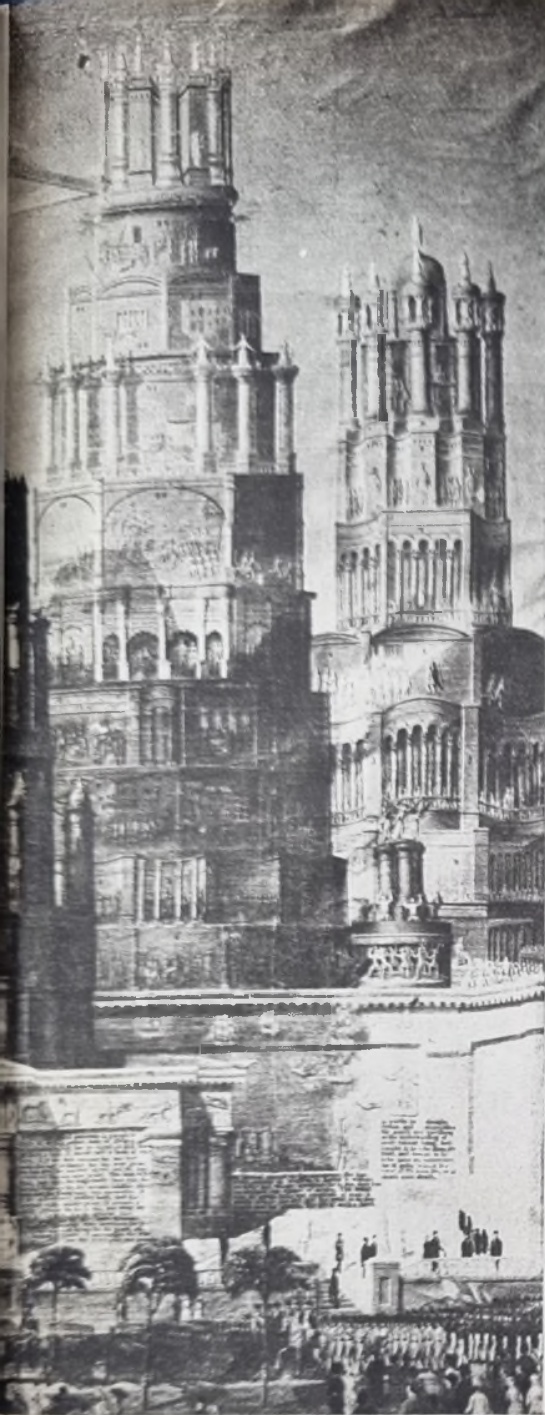
Фото © Музей изящных искусств, Спрингфилд. Мемориальная коллекция Морган Уэссона

Этот выпуск «Курьера ЮНЕСКО» посвящен 200-летию американской Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 года, и основанию Соединенных Штатов Америки как независимого государства. Это была первая антиколониальная революция, оказавшая известное влияние на Французскую революцию, которая свершилась тринадцать лет спустя. Статьи и фотоочерки дают ретроспективный взгляд на некоторые важнейшие исторические события и деятели американской революции, происшедшей 200 лет назад, а также иллюстрируют перспективы американского народа.

200-ЛЕТИЕ США

Генри Стил Коммаджер

ГЕНРИ СТИЛ КОММАДЖЕР — один из наиболее известных в настоящее время специалистов по истории Америки. С тех пор как в 1930 году он опубликовал свою первую фундаментальную работу «Развитие Американской республики» (в соавторстве с ныне покойным Сэмюэлем Элиотом Морисоном), Коммаджер регулярно вносил немаловажный вклад в литературу по американской истории. Особое место среди его публикаций занимают весьма ценная (как письменный источник) книга «Документы по истории Америки» (1934), редактором которой он являлся (также совместно с С. Э. Морисоном), и ставшая классической в США работа «Америка: история свободного народа» (1942), написанная в соавторстве с Алланом Невинсом. Коммаджер занимал различные ученые должности в университетах не только Соединенных Штатов, но и за их пределами; с 1956 года — профессор американской истории в Амтерст-колледж (штат Массачусетс). На этих страницах редакция публикует краткое изложение его статьи «Революция как мировой идеал», впервые опубликованной 13 декабря 1975 года в «Сатердей ревю».

ВЧЕРАШНИЕ И СЕГОДНЯШНИЕ НЕБОСКРЕБЫ. Слева: «Исторический памятник Американской республики», созданный примерно в 1876 году Эрастом Солсбери Филдом к празднованию первого столетия со дня образования Соединенных Штатов. На этом огромном полотне (4 м×3 м) художник постарался использовать почти все пустое пространство на каждом небоскребе впечатляющими изображениями выдающихся государственных деятелей, событий и документов американской истории с самого раннего периода ее зарождения. Соединяет вершины «небоскребов» железная дорога, по которой, весело пытая, несутся с полдюжины паровозов. Внизу: кварталы 60-этажных домов в районе Марина-сити (Чикаго). Первые 20 этажей отведены под гаражи, служебные помещения и торговые центры; жильцы размещаются на верхних этажах, в квартирах с большими балконами-террасами, хорошо защищающими от городского шума.

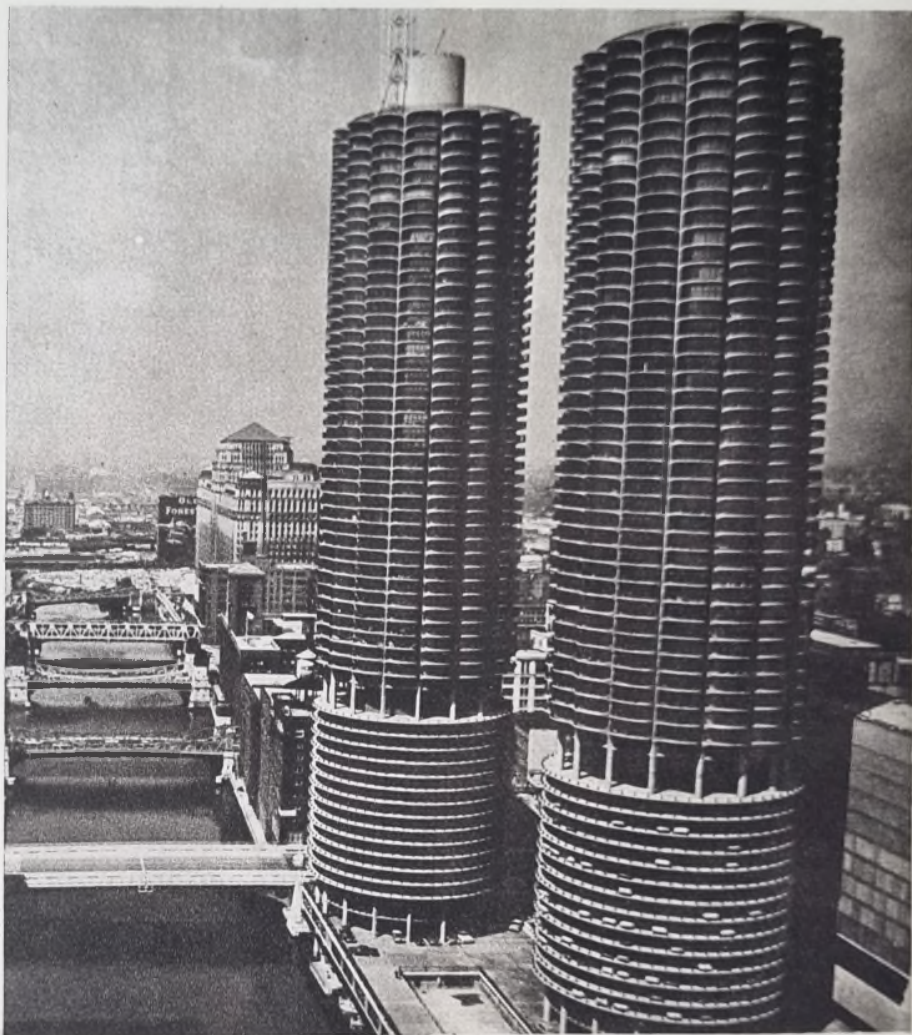

Фото Г. Герстера © Рефо, Париж

Текст © Перепечатка воспрещается

Люди, свершившие американскую революцию и создавшие новую, американскую нацию, были порождением эпохи Просвещения. Они разделяли присущее этой эпохе убеждение, что человечество по сути своей едино, что люди везде и повсюду схожи: подвластные одним и тем же законам природы, они движимы одинаковыми побуждениями, их обуравляют одинаковые страсти и им предначертаны одинаковые права. Они верили во всемогущество разума, в универсальность законов, которые диктует разум, в достижимость конечных целей, которые разум провозглашает неоспоримыми и справедливыми. Они создавали собственные независимые штаты на основе законов, казавшихся им всеобщими и постоянными, и потому считали само собой разумеющимся, что повсюду народы и страны со временем должны встать на путь, проторенный ими.

Как и Патрик Генри, они были убеждены, что Америка зажгла факел для всего мира. Как и Джон Адамс, они были преисполнены радости, что их революция сражается «во имя будущих миллионов и миллионов людей». Как никто более настойчиво возглашал эти убеждения Томас Джефферсон. «Мы сознаем, — писал он своему другу Джозефу Пристли, — что действия наши определяются обязательствами, выходящими за рамки нашего общества».

Та же нота звучит и в последнем его письме — прощальном приветствии создателям Декларации независимости, основателям нации: «Пусть это будет для мира... сигналом пробудившихся людей, зовущим порвать сковывающие их цепи первобытного невежества и предрассудков, зовущим взять в собственные руки блага и безопасность, даруемые самоуправ-

лением... Права человека — вот на что устремляются всеобщие взоры.

Распространяющийся повсеместно свет науки открыл уже любому непредубежденному уму ту вполне очевидную истину, что большинство человечества родилось не с седлом на спине, не для того, чтобы на нем законно, по милости божьей, разъезжало, прищипывая и погоняя, привилегированное меньшинство».

Печально, но надо признать, что, отмечая как 100-летие, так и 200-летие своей революции, американцы уже довольствуются политиканством, заменив им риторику, и даже склонны допустить предательство политиканства по отношению к этой риторике. А ведь пафос поколения революции не был самоцелью: оно переплавляло свою риторику не только в практические действия, но и в свои общественные институты.

Действительно, самой впечатляющей чертой этого поколения была его способность «реализовать писания мудрейших», то есть воспринимать идеи и принципы, выдвигавшиеся философами на протяжении веков, и институционализировать их.

Поскольку источником вдохновения для отцов-основателей служило великое наследие прошлого — начиная с традиций Древней Греции вплоть до Англии XVII столетия, — то и созданные ими установления оказались приемлемыми и в других странах, за пределами Америки.

Прежде всего они создали нацию, то есть сделали то, чего никто из других народов не делал раньше, ибо прежние нации просто формировались сами собой. И сделали они это без присущих национализму Старого Света атрибутов — без монарха, правящего класса, господствующей церкви, без армии и флота, даже, собственно, без исторического прошлого. Более того, создавая новую нацию, они придали ей республиканские формы — вопреки Монтескье, утверждавшему, что такие формы возможны лишь на небольших территориях или в городах-государствах.

Они разрешили также, причем почти сразу, две наиболее трудно разрешимые проблемы в истории государственного управления: проблему колониализма и проблему федерализма.

Ни одна страна Старого Света не умела делать с колониями ничего другого, кроме как эксплуатировать их с выгодой для метрополии. Новые Соединенные Штаты — крупнейшая нация Западного полушария — были с самого начала и на протяжении всего XIX века также и крупнейшей колонизирующей силой, объектом которой стали огромные внутренние области континента от Миссисипи и — в конечном итоге — до самого Тихого океана.

При помощи простого акта преобразования «колоний» в самостоятельные штаты и присоединения их к союзу на основе полного равенства с первоначальными штатами отцы-основатели преподали миру урок, который усваивается вплоть до наших дней.

Поколение революции разрешило также и проблему федерализма, с которой не в силах были справиться законодатели древнегреческих конфедераций, Ломбардской лиги в средневековой Италии, конфедераций Гельвеции и Нидерландов, Священной Римской и Британской империй. Менее чем за десять лет американцы выработали принципы федерализма и создали федеральный союз, который сегодня является одним из старейших в истории.

Отцы-основатели провозгласили, что власть любого правительства проистекает из согласия управляемых — принцип давний в истории, не находивший прежде конкретного вопло-

щения на практике (и сегодня он признается не всеми).

В то время мир, за исключением, может быть, лишь некоторых швейцарских кантонов, не знал демократии как формы государственного устройства. Отцы-основатели выдвинули идею конституционного конвента и тем создали надлежащий инструмент, необходимый для учреждения, изменения, упразднения и создания нового правительства; так они легализовали понятие революции. И с тех пор идея конституционного собрания, как и принцип федерализма, нашла широкое распространение.

Американцы впервые ввели в практику и такой известный ныне принцип государственного управления, как ограниченность полномочий правительства. До американской революции право королей и других монархов господствовать над подданными вообще не подвергалось сомнению, а британский парламент, например, даже в 1766 году специальной декларацией возвещал о своей верховной власти над колониями «в любом случае».

Но отцы-основатели считали, что правительству не должно обладать неограниченной властью, и потому они предусмотрели целый ряд налагаемых на правительство ограничений и запретов, с тем чтобы правительство располагало лишь той властью, которая отведена ему народом.

Достижению этой цели служит множество средств: писанные конституции, федеральная система, разделение власти на законодательную и исполнительную, двухпалатные законодательные органы, ежегодные выборы; и венец всему — билли о правах, которые составляют часть конституции и охраняют различные свободы человеческой личности: свободу совести, свободу слова, печати и собраний, чего не было даже в английских Биллях о правах.

Этот принцип, принцип ограниченности полномочий правительства, распространился и на другие континенты. Он не получил еще всеобщего признания, и даже сейчас продолжается борьба за завоевание умов в различных странах. Но тот факт, что диапазон свободы в наши дни шире, чем в 1776 году, обязан в определенной степени и американскому опыту в области отношений между правительством и гражданами.

Таким образом, поколение революции (несомненно, самое творческое в истории Америки) явилось инициатором многих важных политических институтов нового времени: это конституционное собрание, писаная конституция страны, федеральное устройство государства, равноправные штаты, правительство с ограниченными полномочиями, билли о правах, система пересмотра судебных решений и даже политические партии (ведь партии, возникшие в 90-х годах XVIII века, не без основания могут

претендовать на звание старейших современных партий). Столь же значительными — и в том числе по своему влиянию на другие страны — были и новаторские шаги отцов-основателей в области общественных институтов.

Так, американцы поколения революции не только впервые установили подлинную веротерпимость, но и отделили церковь от государства, тем самым на деле обеспечив принцип свободы вероисповедания.

Так, впервые в современной истории они официально подчинили военных гражданской власти. Они осуществили на деле принцип «все люди сотворены равными» в большей мере, чем любое другое общество Запада. Однако они понесли трагическое поражение, когда речь пошла о распространении этого принципа и на черное население страны. Вина за это ложится не на тех, кто формулировал этот принцип, а на тех, кто занимался его осуществлением.

Печально, но надо признать, что преемники отцов-основателей не в состоянии были разрешить эту проблему в течение еще почти столетия, да и разрешили ее только с помощью силы; и еще столетие прошло, прежде чем американцы оказались готовы признать хотя бы формальное равенство черной расы.

Конечно, отнюдь не благодаря принципам, а лишь благодаря счастливой случайности уровень материального благосостояния в молодой республике оказался выше, чем в любом другом районе земного шара; но зато именно благодаря принципам могли воспользоваться этой счастливой случайностью почти все белые, и благодаря принципам двери республики были широко открыты для выходцев из Старого Света. И чтобы все это сохранить и закрепить, американцы предприняли то, что можно назвать — коль скоро нет более точного термина — Джефферсоновской программой наступления на невежество; для этого они в широких масштабах создавали общедоступные школы и колледжи и, обеспечивая свободу печати, поощряли развитие знаний и наук. Они были даже настолько романтичны, что и в конституцию свою записали слова об обеспечении счастья людей.

В этих своих устремлениях отцы-основатели вдохновлялись чувством возложенной на них высокой миссии, чувством долга не только перед народами мира, но и перед последующими поколениями. Во имя грядущих поколений они сражались, мечтали и созидали; и заботы о нуждах потомков всегда были для них на первом плане. Временами в этом было даже что-то чрезмерное — как в словах Джефферсона о «земле, которой хватит для потомков наших из тысячного и десяти тысячного колена», но это никогда не было лишь риторикой.

И потому контраст между поколением американской революции и на-

Фото Г. Герстера © Рафо, Париж

Гигантские скульптурные изображения четырех американских президентов вглядываются вдаль над горными вершинами и долинами в районе Блэк-Хилс (Южная Дакота, США). Высеченный из гранита национальный мемориал запечатлел (слева направо): Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна. Гранитное изображение головы каждого из президентов — высотой в пятиэтажное здание. Американский скульптор Гатзон Борглум в течение 14 лет (вплоть до своей смерти в 1941 году), разработав проект, руководил работой по сооружению мемориала в честь основания Соединенных Штатов. Работа по созданию памятника была закончена его сыном.

шим собственным, неревOLUTIONным (или даже контрреволюционным) проявляется ярче всего в том, что мы сейчас утратили чувство долга. Мы разглагольствуем о заботе о потомках, однако систематически предаем их, расхищая природные ресурсы, безрассудно загрязняя окружающую среду, накапливая огромные запасы ядерного оружия, разжигая расовую и национальную рознь и все глубже залезая в почти безграничные долговые обязательства.

Американская революция явилась катализатором общественных процессов в западном мире. «Вся Европа — на нашей стороне», — писал, с про-

стительным преувеличением, из Парижа Бенджамин Франклин. Конечно, все либералы Европы действительно были тогда на стороне американцев, даже либералы британские и ганноверские. Война североамериканских колоний за независимость расколола британскую общественность этой эпохи столь же глубоко, как в наши дни война во Вьетнаме расколола Америку, но противники той войны выступали резче и мужественнее, чем противники бомбежек Вьетнама и Камбоджи.

Такие английские философы, как д-р Прайс и д-р Пристли, открыто выступали в защиту дела американ-

цев, а государственные деятели Чаттам и Шельбёрн, Рокингэм и Графтон предупреждали, что вступление Великобритании в войну будет с ее стороны безрассудством.

Война и победа американцев, вообще пример Америки вызвали широкое движение за реформацию британской политической системы: выдвигались требования расширить избирательное право, покончить с позором «гнилых местечек», сделать сессии парламента ежегодными. Но все было тщетно, ибо из-за почти параноидальной враждебности к Французской революции (свое классическое выражение она нашла в «Размышлениях о Французской революции» Эдмунда Бёрка) в Англии наступило чуть ли не царство террора.

Но пример Америки заразил многие другие страны: во Франции Джефферсон помогал разрабатывать «Декларацию прав человека и гражданина», а Том Пейн принимал участие в деятельности Учредительного собрания; в Италии Альфьери посвящал американской революции пламенные оды и драмы; в Нидерландах отважные патриоты ван дер Капеллен и ван дер Кемп вели, хотя и безуспешно, борьбу против аристократического правления; в Германии Кристоф Эбелинг заявлял, что «Америка должна подать пример всему миру»; даже в деспотической Дании, по словам Хенрика Стеффенса, «все суда подняли флаги и вымпелы и корабельные пушки салютовали новой нации».

Влияние американской революции не ограничилось Старым Светом. Конечно, борьба за независимость в Латинской Америке развивалась больше под воздействием революции французской, чем американской, но люди, ведущие эту борьбу, знали тем не менее, что французская революция завершилась деспотизмом Наполеона, а американская — рождением свободной республики, и потому они стремились следовать примеру своих северных соседей. Сила этого примера проявлялась в ходе истории вновь и вновь, даже в наши дни, когда в некоторых странах совершающиеся революции заимствовали язык, если не дух, из Декларации независимости.

Революция, независимость, формирование нации и создание новых политических институтов — все это служило вдохновляющим примером, вызывая желание следовать новым образцам. Но еще более значительным было, пожалуй, воздействие того, что свершалось в тиглях социально-экономической лаборатории Америки: взорам людей открывались там не только успехи самоуправления, но и экономические возможности, социальное равенство и религиозная свобода, возможность добровольных ассоциаций.

Все, что волновало воображение европейцев в XIX веке, уже испыта-

ли в XVIII в. отцы-основатели. Они стремились освободиться от европейских пут, покинуть Европу и создать новый общественный порядок. Американский фермер Гектор Сент-Джон де Кревекёр увидел это еще в самом начале американского опыта. Европейец, говорил он, становится американцем, «когда его заключает в свои широкие объятия наша великая *Alma mater*. Здесь отдельные представители всех наций сплавляются в новую людскую расу, деяния и потомки которой со временем произведут большие перемены в мире».

И де Кревекёр отмечает то, что было самым важным в процессе превращения европейца в американца: «Помещик и издольщик — вот почти и все, чем отличалась тогда Европа; и только в этой стране живут свободные земледельцы — они владеют землей, на которой трудятся; входят в правительство, которому повинуются, и сами создают свои законы...»

Отмеченное де Кревекёром стало позднее основным содержанием философии Токвиля. Он писал: равенство (Токвиль, правда, пользовался другим словом — демократия) есть отличительная особенность американской жизни, и если не миссия, то предназначение Америки заключается в том, чтобы своим примером, своей притягательной силой распространить равенство в Старом Свете.

В этом своем анализе американской действительности и де Кревекёр, и Токвиль опускают вопрос о рабстве. Они, конечно, видели эту проблему и в других своих сочинениях сокрушались об этом зле; однако признавали при этом, что американская революция принесла новые идеи. В плане социальном, моральном и политическом они были единомышленниками американцев, осуществивших обе революции.

Во всем этом есть некая элегическая нота. Мы более не революционный народ. Мы утратили творческий дух в политике и в делах управления: все крупнейшие политические установления и институты нашей страны созданы до 1800 года, а нового с тех пор не прибавилось ничего. Двери нашей страны теперь уже не открыты для бедных и угнетенных всего мира, и миссию Америки мы понимаем сейчас не так, как раньше, когда мы стремились облегчить бремя, лежащее на плечах людей. И когда мы пытаемся распространять наш образ жизни, мы делаем это теперь уже с помощью силы, а не моральным примером. Быть может, осознание того, за что мы выступали когда-то, что мы когда-то совершили и что мы когда-то значили для человечества, снова приведет нас на те пути, которые были впервые проторены нами? Вслушайтесь в слова Тома Пейна, сказанные им, когда душа его была преисполнена счастья от победы «величайшей и глубочайшей революции, которую когда-либо

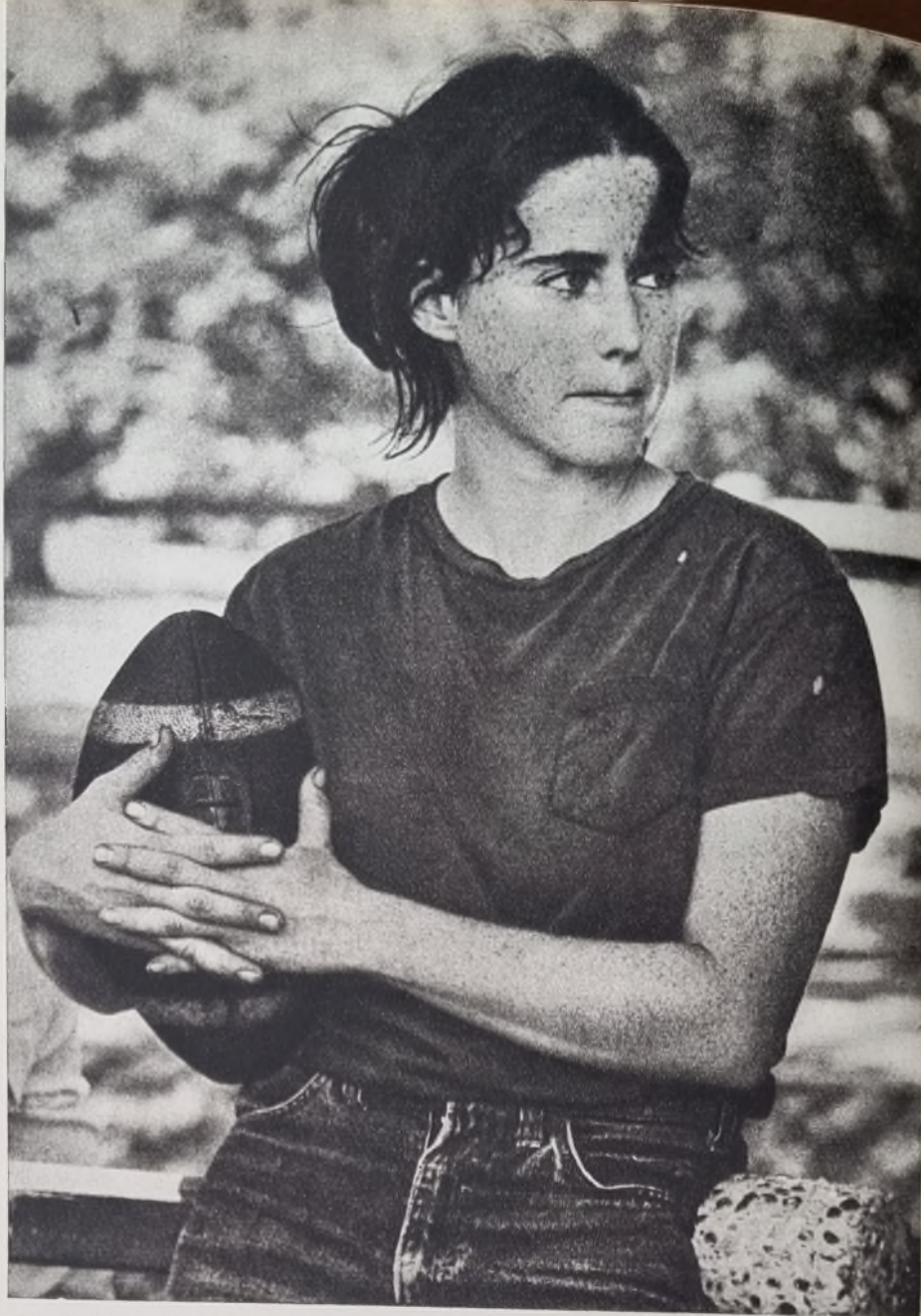

Фото А. Хейман © Магнум, Париж

Жизнь высших учебных заведений США отличают свободные, лишенные официальнойности отношения между студентами и преподавателями, а также большое внимание, которое уделяется всем видам спорта. На снимке (вверху): студентка, увлекающаяся американским футболом. На снимке (см. стр. 9) — студенческое собрание в одном из американских университетов. Тема его, быть может, и серьезна, но атмосфера непринужденная и живая. Всего в 2800 университетах и других высших учебных заведениях США обучается 10 миллионов студентов, из них почти половина — женщины. Около 45% жителей США в возрасте от 20 до 24 лет занимаются на высших учебных курсах, дающих дипломы и степени примерно по 1600 специальностям.

знал мир, славно и благополучно завершившейся»:

«Ни одна страна не имела такого множества благоприятных возможностей для счастья, как наша. Ее вступление в жизнь, подобно наступлению ясного утра, было безоблачным и многообещающим. Ее дело было правым, принципы ее справедливы и либеральны. Нрав ее — спокоен и тверд. В своих деяниях она руководствуется наилучшими примерами, и все вокруг нее носит отпечаток достоинства. Не всякая страна может гордиться столь прекрасным происхождением».

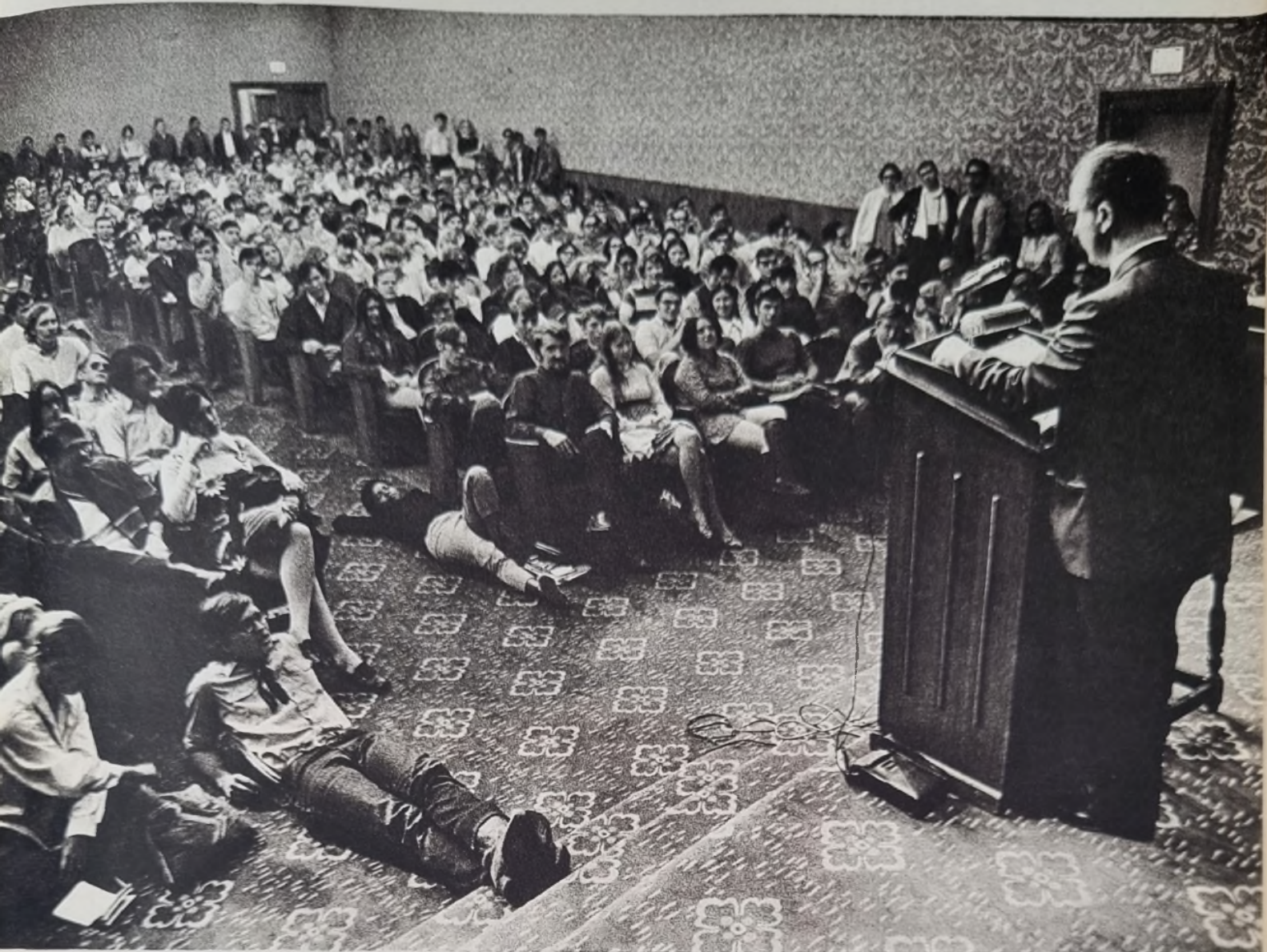

Фото Д. Репп © Паримаж, Париж

АМЕРИКА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

Робин У. Уинкс

РОБИН У. УИНКС — американский историк и педагог, ведущий специалист по истории Северной Америки, посвятивший этой области науки свои исследования и многие публикации. Профессор истории Йельского университета, где преподает с 1957 года. Среди последних опубликованных им работ — «Американский опыт» (1970), «Миф об американских рубежах» (1971) и «Рабство» (1972).

Нынешний год — это год 200-летия Соединенных Штатов, когда американцы празднуют двухсотлетнюю годовщину образования своего государства. Отмечая эту дату, большинство американцев видит свою страну на распутье, страну сильную, стремящуюся к новому и одновременно преследуемую неудачами, страдающую.

Многие американцы усматривают источник жизнеспособности Америки именно в этом противоречии, в противоречии целей, в противоречии

интересов различных регионов, в противоречии старых и новых концепций.

Соединенные Штаты возникли в результате революции и, согласно официальным документам страны, в определенное, точно обозначенное время — 4 июля 1776 года. Большинство государств возникло в результате эволюционного развития, и хотя каждое из них официально установило дату своего основания, мало кто из них смог бы указать и торжественно отмечать определенное, четко обозначенное время своего возникновения.

НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ

В общей сложности с 1901 года было присуждено 450 Нобелевских премий за выдающийся вклад «на благо человечества» в области физики, химии, физиологии, медицины, литературы, в деле поддержания мира и (с 1969 года) экономики. Из них более 120 премий получили лауреаты из Соединенных Штатов. Нобелевские премии были учреждены в соответствии с завещанием шведского химика, инженера и филантропа Альфреда Нобеля (1833—1896). Американцы получили в области физики 32 премии из 100 (с 1901 по 1974 г.), в физиологии и медицине — 41 из 112 и в области сохранения мира — 17 из 71. Справа мы помещаем портреты шести американских лауреатов Нобелевской премии по литературе.

СИНКЛЕР ЛЬЮИС — 1930

Первый американский лауреат Нобелевской премии по литературе, прекрасный знаток американской действительности. Льюис прибегал к едкой сатире для разоблачения явлений, которые считал слабой стороной американского общества. Такие его книги, как «Главная улица» [1920] и «Бэббит» [1922], получили всемирное признание.

ЮДЖИН О'НИЙЛ — 1936

Многие из 45 пьес этого выдающегося драматурга пронизаны сочувствием к обществу отверженных и обездоленных. Глубоко убежденный в том, что драматург обязан вскрывать причины существующей несправедливости, О'Нийл исследовал бедственное положение человека в современном обществе в таких всемирно известных пьесах, как «Продавец льда грядет» [1946] и «Долгое путешествие в ночь» [1956].

Американцы утверждают, что в известном смысле Соединенные Штаты уже фактически существовали в момент провозглашения независимости. Поэтому в течение двухсот лет они и отмечают дату своего национального становления в день подписания Декларации независимости в 1776 году, а не в день подписания мирного соглашения в 1783 году и не в день формальной ратификации конституции в 1788 году.

Большинство государств отмечает дату своего образования в день принятия конституции; американцы же, отмечая дату провозглашения своей независимости до того, как она стала свершившимся фактом, тем самым по-прежнему подтверждают жизнеспособность революционной традиции в истории своего государства.

Наряду с этим американцы все глубже осознают, что отмечают одновременно и период своей политической стабильности. Действительно, в мире не так уж много стран, государственный строй которых не претерпевал бы изменений дольше, чем в Соединенных Штатах. И хотя американцы могут говорить об относительно молодой культуре своей страны, в политическом отношении они отмечают свое долголетие.

Возможно, такие страны, как Англия, Швейцария, Швеция и Дания, и могут похвастать тем, что их политический строй оставался без изменений в течение более двухсот лет с момента последнего изменения конституции. Однако большинство государств прошло через третьи рейхи, четвертые республики и пятые империи, в то время как Соединенные Штаты по-прежнему процветали, не изменяя при этом свою конституцию.

Учитывая эту стабильность, американцы полагают, что имеют полное право считать датой образования своего государства 1776 год. Они полагают, что существуют три основных типа государств: те, что подражают другим; те, что достигли поставленных целей, но не обладают уже жизнеспособностью, чтобы наметить новые, а потому — хотя эти государства и были некогда динамичными — они становятся все более консервативными, забывая в силу этого об уже достигнутых целях; и наконец, те государства, которые поставили перед собой цели, настолько динамичные и притягательные, что они продолжают воодушевлять граждан этих государств и являются предметом подражания для других. Большинство американцев полагает, что Соединенные Штаты относятся к третьему типу государств, хотя, возможно, все большее число американских граждан в год 200-летия своей родины испытывает опасение, что их страна неминуемо скатывается во вторую категорию государств, которые скорее защищают прошлое, нежели продолжают поиски будущего.

Безусловно, большинство американцев осознают существующие внутренние противоречия между целями государства, столь четко провозглашенными в 1776 году, а затем и в конституции, и непрекращающимися усилиями сделать эти цели реальностью в жизни всех американцев.

Не так уж много стран в мире, которые бы столь смело заявили о поставленной перед собой цели (обеспечить всем людям равные возможности в их стремлении к жизни, свободе и счастью) и которые бы столь открыто признали перед всем миром собственные недостатки.

Однако большинство американцев также хорошо осознают, что, обнажая перед всем миром свои недостатки, они тем самым подтверждают, что являются открытым обществом. Как это ни парадоксально, все американцы могут гордиться тем, что большая часть антиамериканской информации, известной миру, — это информация, поступающая из американской прессы.

Некоторые американцы также постигли и другое парадоксальное явление, связанное с тем, что средства массовой информации передают гласности мельчайшие подробности повседневной американской жизни и в свою очередь информируют американцев о складывающемся в мире представлении о Соединенных Штатах. Мы стали понимать, что многое из того, что некогда мы были склонны расценивать как антиамериканизм, в действительности отражает лишь разочарование наших нынешних (или бывших) друзей в том, что мы не такие, какими они хотели бы нас видеть.

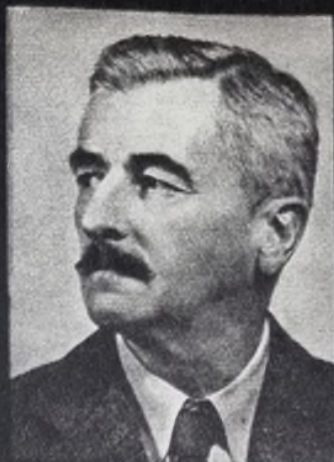
Европейцы, которые в XIX веке полагали, что Соединенные Штаты смогут избежать превращения своей политической системы в громоздкую и сложную правительственную машину, сохранить первоначальной окружающей среду и предотвратить социальное зло, прежде чем оно возникнет, теперь разочарованы тем, что Соединенным Штатам не удалось избежать такого хода истории.

Однако сейчас, когда американцы отмечают 200-летие своей истории, многие признают, что Соединенные Штаты никогда не брали на себя обязательств стать такими, какими бы их хотели видеть другие, — ведь

ПЕРЛ БАК — 1938

Получила Нобелевскую премию за написанные ею романы и серию биографических произведений. Многие ее работы, например роман «Земля» (1931), переведены на иностранные языки. Долгие годы автор жила в Китае, и это отразилось на ее творчестве: в работах писательницы чувствуется глубокое понимание страны и ее народа.

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР — 1949

Стал всемирно известен благодаря своим романам о вымышленном округе Йокнапатофа, прообразом которого послужил его родной город Оксфорд (штат Миссисипи). Во многих своих произведениях, например в романе «Шум и ярость» (1929), Фолкнер дает картины традиционной жизни глубинных районов американского Юга, уделяя особое внимание таким бесценным качествам человека, как любовь, честь, жалость, гордость и сострадание.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ — 1954

Рассказы и романы Хемингуэя о мужестве, стойкости и чести, его художественная форма изложения оказали огромное влияние на мировую литературу. Ранние его романы «И восходит солнце» («Фиеста», 1926) и «Прощай, оружие!» (1929) принесли ему всемирное признание. Одно из последних и основополагающих произведений писателя — «Старик и море» (1952).

ДЖОН СТЕЙНБЕК — 1962

Действие большинства романов Стейнбека происходит в Калифорнии. В них автор реалистично и с сочувствием описывает судьбу бедных и обездоленных людей Америки. Его роман «Гроздь гнева» (1939) об обедневшей семье, переехавшей из Оклахомы в Калифорнию, называют «Хижинной дяди Тома» XX века». В числе наиболее известных произведений писателя: «О мышах и людях» (1937), «Квартал Тортилья-флэт» (1935) и «Консервный ряд» (1944).

Фото © Фона Небала, Стоктопы

цели нации рождаются прежде всего на ее земле и определяются самим народом, его историческим опытом, и эти цели не должны исходить из того, что ждут от нации другие народы.

Этот суровый парадокс заставляет многих американцев сознавать, что сейчас они должны не столько праздновать свою 200-летнюю годовщину, сколько заняться самоанализом: настало время задать себе вопрос, что сделано, а что предстоит еще сделать и какой лучше путь указать нации к тем целям, которые так ясно и на весь мир были провозглашены много лет назад.

Предаваясь подобным размышлениям, многие американцы приходят также к выводу, что Соединенные Штаты переживают в настоящий момент ряд глубоких перемен. Три из них настолько значительны, что не оставляют, в сущности, никакого сомнения: через пять десятилетий американец будет совсем не таким, каким он предстает сегодня.

Первая из этих перемен — приращение некогда свойственного американцам неутомимого стремления к новым рубежам. И хотя американцы по-прежнему сохраняют физическую и социальную мобильность, фактор мобильности в американском обществе играет теперь значительно меньшую роль, чем даже 20 лет назад.

Сейчас уже нет четко обозначенного рубежа, на котором были бы возможны социальные и политические эксперименты. Этот рубеж способствовал формированию американцев в тот парадокс, каким они стали: одновременно агрессивными и оптимистичными, прагматичными и

человечными и, конечно же, расточительными.

(Правда, в некотором смысле новые рубежи продолжают оказывать воздействие через американскую федеральную систему, поскольку каждый штат может стать той социальной лабораторией, где апробируются законодательные решения задолго до того, как какой-либо новый закон будет введен на всей территории страны.)

Вторая весьма очевидная переменная — постепенное угасание веры во всеобщее экономическое чудо. Когда-то казалось, что будущее не только сулит огромное изобилие, но что этого изобилия хватит поистине на всех; и если кто-либо и не сумел преуспеть в жизни, то причину этого усатривали в лени или, возможно, в невезении, но отнюдь не в самой структуре общества.

Если «хлеба с маслом» не было сегодня, то он должен был появиться завтра, поскольку история Америки была устремлена в будущее и страна располагала огромными природными богатствами. Однако теперь американцы начинают все острее сознавать, что экономическое чудо под угрозой и, чтобы достичь его, возможно, потребуются вмешательства правительства, постоянно подозреваемого в стремлении ограничить права местных органов самоуправления.

Противоречие между необходимостью экономического предвидения, а тем самым и планирования, и прежней традиционной верой в свободное предпринимательство ощущается всеми. Это противоречие, однако, может оказать и благотворное влияние и привести к созданию динамичного

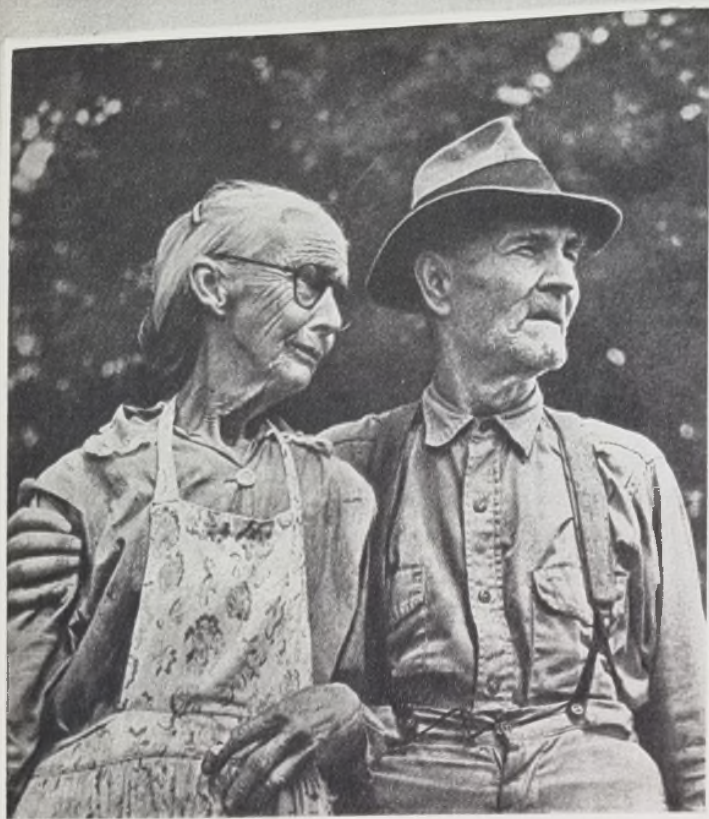
общества при условии достижения необходимого равновесия.

Третья перемена в американской жизни наиболее очевидна для всех. В свое время американцы жили в условиях самой надежной безопасности, которая им ничего не стоила. Два огромных океана отделяли Соединенные Штаты от большинства потенциальных врагов, поэтому им не нужно было выделять значительную часть своего национального дохода на оборонные нужды. В Соединенных Штатах не было ни «линий Мажино», ни стоящих в боевой готовности армий; они не были связаны сложными договорными обязательствами.

С 1815 года, когда последний английский солдат покинул Луизиану, и до 1942 года, когда первые подразделения японских войск высадились на Алеутских островах близ Аляски, Соединенные Штаты не знали иностранного вторжения. Немногим странам довелось жить в полной безопасности в течение 125 лет, не неся при этом никаких затрат.

Теперь Соединенные Штаты уже не принадлежат к этим немногим странам, поскольку расходы на оборону занимают значительное место в национальном бюджете. Итак, в год 200-летнего юбилея в сознании американцев одно из центральных мест занимает мысль о том, что безопасность требует затрат — и материальных, и моральных.

Однако, хотя американцы глубоко задумываются над своей прошлой, более простой жизнью и даже подчас испытывают тоску по прошлому, они трезво оценивают и то, что им нет нужды оправдываться за этот существенный поворот в истории их стра-

1 Фото © Холмс — Лебел, Париж

2

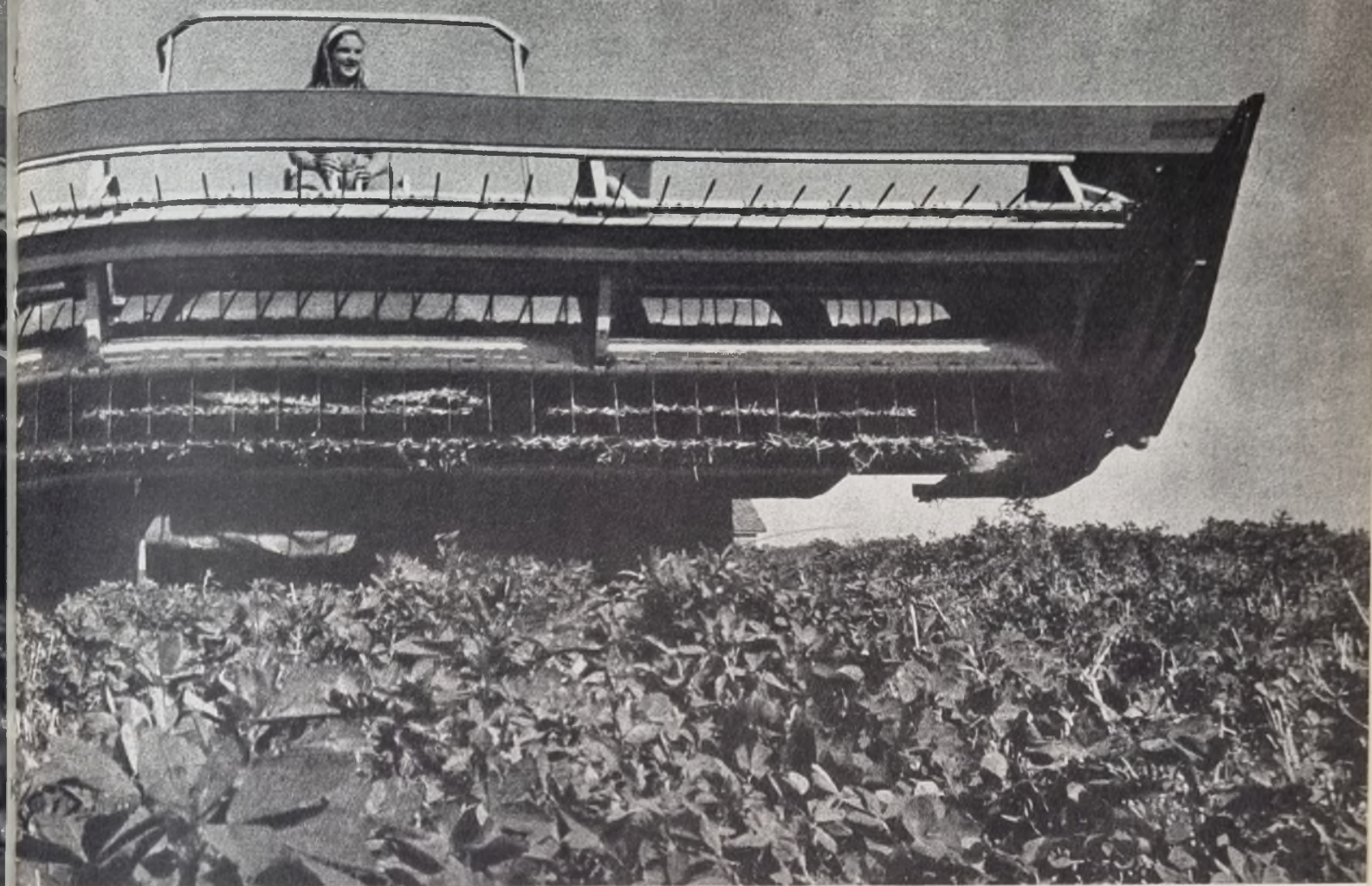
3

Фото © Пармаж, Париж

4

Фото М. Шарити © Пармаж, Париж

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В 1776 году 90% американцев работало на фермах. Сегодня в сельском хозяйстве занято лишь 5% населения. Они производят на нынешних индустриальных фермах продовольствие для населения США, а также на экспорт для других стран. [1] Наука и техника совершили переворот в американском сельском хозяйстве с тех пор, как лет 50 назад этот фермер с женой начали обрабатывать землю. В его времена один работник мог прокормить 10 человек. Сегодня работник на американской ферме обеспечивает продовольствием примерно 45 человек. [2] Научные методы и сельскохозяйственные машины, такие, как, например, этот комбайн, который уверенно ведет с улыбкой девушка, вызвали подъем производства. [3,4] На небольшом вертолете современный «летающий» фермер поднимается в небо. Через несколько минут он сможет обозреть все обширное пространство полей. [5] Владелец крупного скотоводческого хозяйства с помощью телевизора и радиотелефона выясняет состояние заболевшего телят. В этом современном хозяйстве имеются также компьютер и лаборатория.

5

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Фото справа: фрагмент знаменитой картины, изображающей подписание Декларации независимости в Индепенденс-холл (Филадельфия) в 1776 году. Созданное американским художником Джоном Трамбаллом художественное полотно дает представление о выдающихся деятелях Америки, борющихся за независимость. Этот фрагмент картины запечатлен тельер в серии из пяти марок, выпущенных в США к 200-летию страны. Вверху: на одной из марок — столпы американской независимости Томас Джефферсон (слева) и Бенджамин Франклин. Томасу Джефферсону было поручено разработать проект Декларации. См. краткое описание его жизни и деятельности ниже, Бенджамина Франклина — на стр. 19.

1. Томас Джефферсон

Томас Джефферсон (Виргиния) — автор Декларации независимости и третий президент Соединенных Штатов — является собой замечательный пример человека действия, склонного в то же время к размышлению и философским обобщениям. Два современных историка назвали его «особым символом американской революции» за «его вечный бунт, его неутомимое утверждение независимости в борьбе против сил, стремившихся и стремящихся подавить дух человечества». Он был человеком разносторонних знаний, подобно титанам эпохи Возрождения, обладал широчайшими познаниями в математике, музыке (прекрасно играл на скрипке), в архитектуре, астрономии, метеорологии, естественных науках, лингвистике (владел многими языками, составлял даже словари индейских языков), в агрономии, не говоря уже об истории, политике и просвещении, о которых он писал нешаблонно и с большим знанием предмета.

Писатель и философ в политике

Всю свою жизнь с пером в руках Джефферсон боролся против «любой тирании духа». Первая же его опубликованная работа «Общий обзор прав Британской Америки» (1774), в которой он критиковал англичан за их непримиримую позицию по отношению к колониям, снискала ему репутацию человека, обладающего изящным слогом и отточенным стилем. Два года спустя (тогда ему было всего лишь 33 года) Континентальный конгресс американских колоний поручил Джефферсону, учитывая его способность четко и ярко выражать мысли всех, составить проект Декларации независимости. Он написал много государственных документов первостепенной важности, таких, например, как «Замечания об учреждении денежной единицы», где он с успехом доказывал необходимость установления единой денежной системы. В

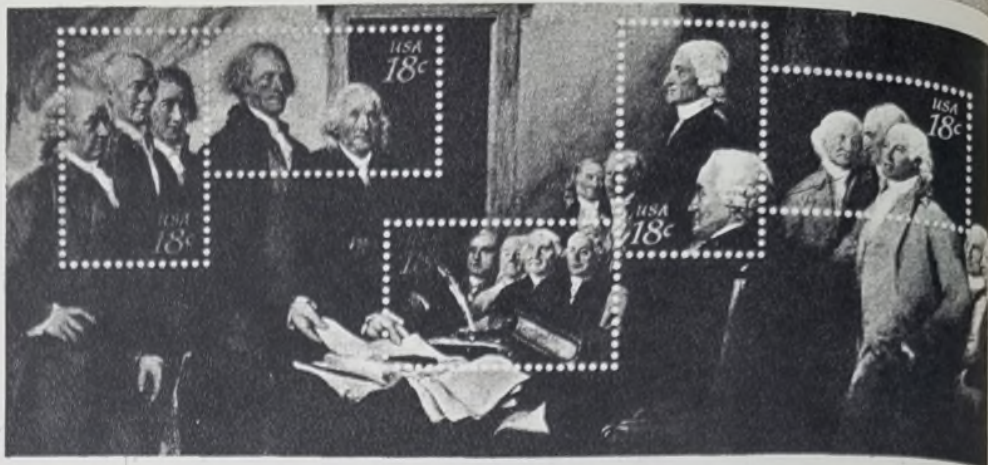

Фото ЮСИС. Париз

«Заметках о штате Виргиния» (1782) изложено не только множество его оригинальных наблюдений о природе, но и четко определены его убеждения и идеалы.

Государственный деятель

Долгое служение Джефферсона на общественном поприще — в качестве законодателя штата Виргиния, губернатора Виргинии, конгрессмена, американского посланника во Франции, государственного секретаря и вице-президента — увенчалось избранием его дважды на пост президента (1801—1809). Самая высокая цель, к которой он стремился на протяжении всей своей карьеры, — это дать людям свободу. Чтобы достичь ее, он (и Джеймс Мэдисон) требовали и добились дополнения конституции Биллем о правах, гарантировавшим каждому человеку основные свободы. Они записаны в первых десяти поправках к конституции, гарантирующих свободу религии, свободу слова и печати, свободу собраний, право не давать показаний против самого себя, создание такого института, как суд присяжных, и т. д. Он был главным борником заселения американского Запада. В 1784 году Джефферсон составил доклад об управлении землями, расположенными к западу от Аппалачей, который по значению написанных им работ уступает лишь Декларации независимости. Если бы доклад был принят в том виде, как представил его Джефферсон, то рабство

было бы запрещено на всех этих землях уже после 1800 года. Следует отметить, однако, что Джефферсон признавал рабство в первых колониях, и его план «всеобщего просвещения» не распространялся на дровочек. В 1803 году как президент страны он добился присоединения к Америке Луизианы, купив эту землю у Франции. С приобретением этого огромного района, расположенного между Миссисипи и Скалистыми горами, территория США увеличилась почти вдвое. Он был инициатором и принимал личное участие в разработке плана сухопутной экспедиции (1804—1806) Мэриезера Льюиса и Уильяма Кларка к Тихоокеанскому побережью, которая могла проложить путь к заселению Запада.

Ученый, архитектор и изобретатель

Современные ученые признают за Джефферсоном большие заслуги во многих областях науки, в частности в палеонтологии, этнологии, географии и ботанике. Он был президентом Американского философского общества с 1797 по 1815 год и всю свою жизнь вел переписку с огромным числом ученых и философов. Он был также выдающимся архитектором Америки того времени. В особняке Монтичелло — доме, который он построил в своем поместье в Виргинии где-то между 1768—1809 гг., хранится целый набор остроумных приспособлений, изобретенных Джефферсоном: усовершенствованная копировальная машина «полиграф»; флюгер, соединенный с круговой шкалой на потолке; крутящееся кресло, в котором он мог читать, поворачиваясь к свету; система блоков и ниша в потолке, куда убиралась его кровать, когда он вставал; часы с заводом на семь дней. Широкое признание получил также усовершенствованный им плуг.

Фото © Люпон Музеум, Делавэр, США

Гравюра с утерянного портрета Джефферсона, написанного с натуры его другом Тадеушем Костюшко в Филадельфии в 1798 году. Костюшко (1746—1817) — польский офицер и государственный деятель, отличившийся в войне за независимость США.

Фото Э. Лескина © Магум, Париж

Несколько книг из собрания Джефферсона, насчитывающего свыше 6400 томов. Проданная конгрессу в 1815 году, его библиотека составила основу Библиотеки конгресса.

Борник просвещения

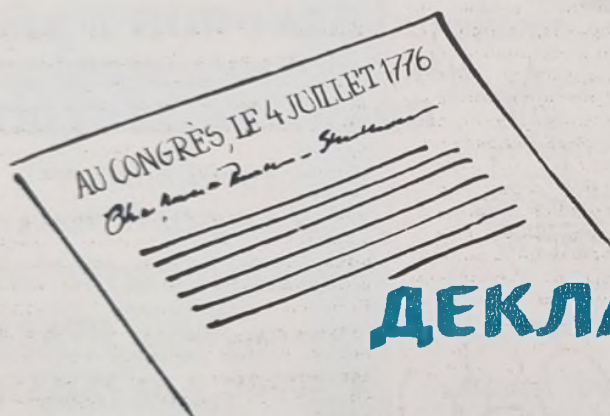
Страстное стремление Джефферсона к свободомыслию проявилось и в его борьбе за просвещение; оно нашло свое выражение в составленном им «Статуте об установлении религиозной свободы» Виргинии (1786). Статут запрещал всякую религиозную дискриминацию в Виргинии и являлся составной частью в план обширных преобразований, предложенных Джефферсоном в своем родном штате. Частью этого плана была и всеобщая система бесплатного народного просвещения, однако соотечественники Джефферсона согласились лишь на его предложения об основании в их штате университета. В 1809 году, уйдя в отставку с поста президента, Джефферсон посвящает остаток своей жизни созданию этого нового университета: он проектировал здания и следил за малейшими деталями в ходе строительства, разрабатывал программы учебных курсов, набирал преподавателей и отбирал книги для библиотеки. Виргинский университет открылся в 1825 году. Джефферсон скончался через год, 4 июля 1826 года, в день пятидесятилетия Декларации независимости.

О ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Декларация независимости Соединенных Штатов — это один из самых известных документов в мире о свободе и правах человека. На этих страницах мы печатаем наиболее важные отрывки из Декларации со специальными объяснениями к ним и комментариями. Мы надеемся, что это вызовет интерес как у молодых, так и у пожилых читателей. Настоящий текст является сокращенным изложением брошюры «О Декларации независимости», опубликованной Чаринг Л. Бит, Инк., 45 Федерал-стрит, Гринфилд, Масс., США 01301 © 1969. Текст публикуется с разрешения издателя.

Что такое
«ДЕКЛАРАЦИЯ
НЕЗАВИСИМОСТИ»
?

Это документ, составленный делегатами 13 колоний и утвержденный 4 июля 1776 года; он объясняет причины, побудившие эти колонии отделиться от Англии. Делегаты намеревались поставить в известность всех граждан у себя на родине и за границей (в первую очередь короля Георга III и британский парламент) о своих претензиях и целях.

ДЕКЛАРАЦИЯ

1 изложила ПРИЧИНЫ,

непосредственно приведшие к революции:

**НАЛОГИ,
ТОРГОВЫЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ,
ИЗМЕНЕНИЯ
СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,**

и другие претензии к Королю;

2 видвинула РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕОРИЮ ПРАВЛЕНИЯ,

основанного на **СОГЛАШЕНИИ** или **ДОГОВОРЕ** между руководством и народом, исходя при этом из того, что «все люди имеют **ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА**, включая право на свободу, лишить которого не властны ни личность, ни группа лиц», и что народ имеет также право повзвать с правительством, которое посягает на эти права.

Она важна потому,
что:

- 1 является **ОСНОВОЙ** системы правления в **СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ**;
- 2 послужила **СИГНАЛОМ** для «официального» объявления **РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЙНЫ**;
- 3 является одним из известных документов о **ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ**.

ПОЧЕМУ
так важна эта
ДЕКЛАРАЦИЯ
?

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

- 1 определила **ОБЩУЮ ЦЕЛЬ** и изложила систему **ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ**

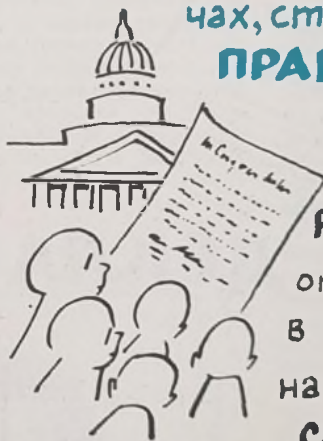
...Либо ты будешь
все заодно, либо
нас победят
всех поодиночке!..

Слова
БЕНДЖАМИНА
ФРАНКЛИНА,
одного из
подписавших
Декларацию.

Это была единогласно принятая декларация новых штатов, торжественным обещанием друг другу и всем американцам. Подписавшие её сознавали, что в случае поражения они лишатся своего состояния и своей жизни как изменники короля;

- 2 это напоминание о назначении **ЗАКОНОВ** и задачах, стоящих перед **ПРАВИТЕЛЬСТВОМ**

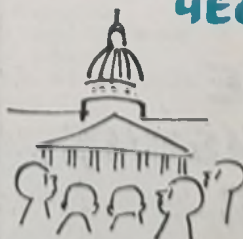
обеспечить **КАЖДОМУ** человеку **РАВЕНСТВО** в неотъемлемых **ПРАВАХ** — в праве «на **ЖИЗНЬ**, на **СВОБОДУ** и на **СЧАСТЬЕ**»;

- 3 разъясняет принципы **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ**

и продвигает идею, что суверенному государству надлежит быть **ДОБРОВОЛЬНОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ НЕЗАВИСИМЫХ ШТАТОВ**, передающих центральному правительству лишь определенные, строго регламентированные полномочия;

- 4 является основополагающим **ИЗЛОЖЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ**

VS.

которые могли бы быть приемлемы и для других народов. Она четко излагает идею о системе правления, основанной на **ВСЕОБЩЕМ СОГЛАСИИ**, выступая против системы правления, «дарованной богом», то есть против власти короля.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

ПРЕАМБУЛА

Изявляет цели следующего за ней документа

Этим подчеркивается необходимость независимости: колонисты должны были сформировать новое правительство для защиты своих человеческих прав.

Разъясняет всему миру (включая и другие народы, которые могут стать их союзниками) причины, побудившие колонистов к отделению.

Это еще раз указывает на то, что колонии неохотно шли на провозглашение независимости, однако их на это вынудили.

Декларация тринадцати соединенных штатов Америки, единогласно принятая в Конгрессе, 4 июля 1776 года

Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым расторгнуть политические связи, соединяющие его с другим народом, и занять среди держав мира особое и равное положение, на которое он имеет право согласно законам природы и её творца, то должное уважение к человеческому мнению требует изложить причины, толкающие его на отделение.

Этим подчеркивается единодушие отдельных колоний, прежде враждовавших между собой. Делегаты сознавали, что их сила — в единстве.

Люди и государства равны с точки зрения «естественного права», в отличие от «права, установленного людьми», и имеют право на одинаковые политические свободы (поэтому не должно быть таких титулов, как король, принц, граф и т.д.)

и подводит нас к **КРАТКОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ**

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ «ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ»

Это неоспоримо: права человека — очевидный факт.

Назначение правительств — в гарантировании свободы личности.

Народ несет ответственность перед своей страной во имя блага большинства за смену правительства, не отвечающего его интересам.

Мы считаем самоочевидным, что все люди созданы равными и наделены творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и счастье; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых проистекает из согласия управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить или упразднить его и установить новый строй, покаявшийся на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить его безопасность и благоденствие. Благоразумие требует, чтобы давно существующие формы правления не сменялись вследствие мало-важных и преходящих причин, а посему опыт показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно переносимо, чем пользоваться своим правом и идти на упразднение привычной формы правления. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то его право и его долг свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности. Таково было долготерпение этих колоний и такова теперь необходимость, толкающая их на изменение прежнего государственного строя...

Ни один король и ни один парламент не полномочен ограничивать или лишать людей их прав.

Любое правительство, которое не защищает эти права, несправедливо, и его надо заменить.

Американцы тщательно обдумали свое решение: никаких «скоропалительных суждений».

1 ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

2 ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

3 ПРАВЛЕНИЕ БОЛЬШИНСТВА

Естественное право — учение, получившее широкое распространение в XVII—XVIII вв. и имеющее важное значение. Согласно ему, действительность всей вселенной подчинена рациональному плану, который может постигнуть любой человек путем изучения им окружающего его мира. Естественное право, включая право человека на жизнь и свободу, имеет более фундаментальный характер и более важно, чем юридические законы, которые надлежит заменить, когда они приходят в противоречие с действительностью.

Права человека — выше божественного права, права народа — выше прав короля.

Значение понятия «правление большинства»: если большинство людей убеждено в том, что правительство не отвечает его интересам, они имеют право заменить его.

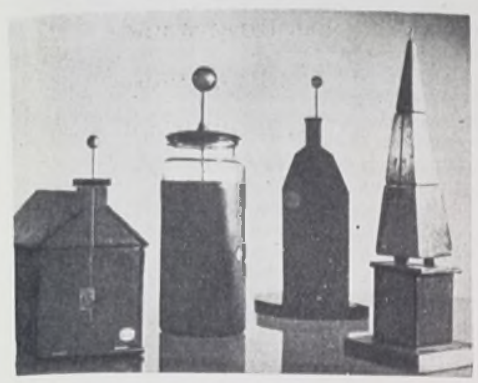
Американцы придерживались следующих основных идей

ВСЕ эти ИДЕИ хорошо знакомы, однако колонисты были первыми, кто воплотил их в жизнь.

2. Бенджамин Франклин

Бенджамин Франклин, один из выдающихся деятелей американской истории, человек многогранного таланта был не лишён в то же время и здравого смысла. За время своей долгой и плодотворной жизни (1706—1790) ему приходилось заниматься разными делами: это и управление государством, и мыловарение, и книгопечатание, и выращивание капусты. Он изучал причины возникновения и падения империй. Как ученый он был пионером в изучении электричества, как изобретатель он не знал себе равных в Америке вплоть до второй половины XIX века.

Фото Э. Лессинг © Магnum, Париж

Печатник, издатель, писатель и публицист

В 1718 году, когда ему исполнилось 12 лет, Франклин стал учиться печатному делу у своего старшего брата Джеймса. В 24 года он основал и редактировал собственную газету, и она стала одной из самых популярных в колониях. Принято считать, что Франклин был первым редактором в Америке, опубликовавшим на страницах своей газеты политическую карикатуру. В 1732 году он становится автором и издателем знаменитого «Альманаха бедного Ричарда» (выходил в свет до 1757 года), изобилующего мудрыми и остроумными афоризмами о таких ценных качествах, как бережливость, упорство в работе и умение жить скромно. Он самостоятельно изучил французский, итальянский, испанский и латинский языки и содействовал созданию Американского философского общества, объединившего ученых естественных и гуманитарных наук. Даже будучи на вершине мировой славы, он продолжал с присущей ему скромностью называть себя «Бенджамин Франклин, печатник».

Автор социальных реформ и общественный деятель

Франклин осуществил многочисленные проекты социальных реформ и содействовал формированию духа гражданственности. Ненавидя рабство, он стал президентом первого в Америке общества, выступившего против рабства, и его последним общественным актом было подписание послания конгрессу с требованием об отмене рабства. В 1737 году в должности почтмейстера Филадельфии он реорганизовал почтовую службу, ускорив тем самым доставку почты (впоследствии, став заместителем министра почт, он осуществлял такое же преобразование во всех колониях). В Филадельфии он создал первую в Америке публичную библиотеку. Кроме того, он способствовал организации пожарного управления и преобразованию городской полиции. Он был одним из основателей академии, на базе которой впоследствии вырос Пенсильванский университет. Франклин был поражен тем, что в его стране

В 1752 году Франклин провел свой знаменитый опыт с запуском бумажного змея в грозу, чтобы доказать электрическую природу молнии. Он сумел укротить это явление природы, изобретя громоотвод. Слева: приборы, которые Франклин использовал в своих опытах с громоотводом. Внизу: рисунок (1778 год), изображающий возможное, хотя и маловероятное на практике, применение изобретения Франклина.

Фото Бойе © Роже-Виолле, Париж

участь больных никого не волнует, и потому организовал сбор денег на строительство городской больницы (первой в Америке), а также для ухода за лицами, страдающими психическими расстройствами.

Изобретатель и ученый

Франклин был одним из первых ученых, проводивших опыты с электричеством, доказавшим в 1752 году, что молния — это электричество (см. фото на этой стр.). Он стал широко известен благодаря своим научным достижениям в различных областях знаний. Ему принадлежат такие изобретения, как громоотвод, бифокальные очки и «франклиновская печь», которая давала больше тепла, чем открытые каминные, причём для нее требовалось намного меньше топлива; новые методы мелиорации почв,

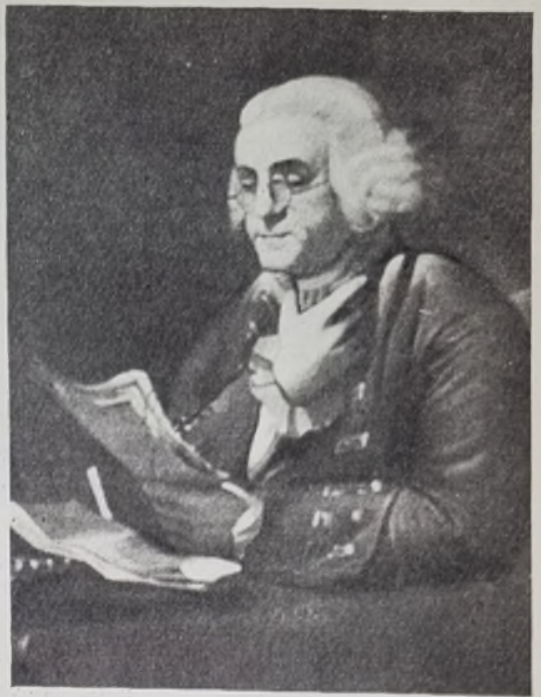
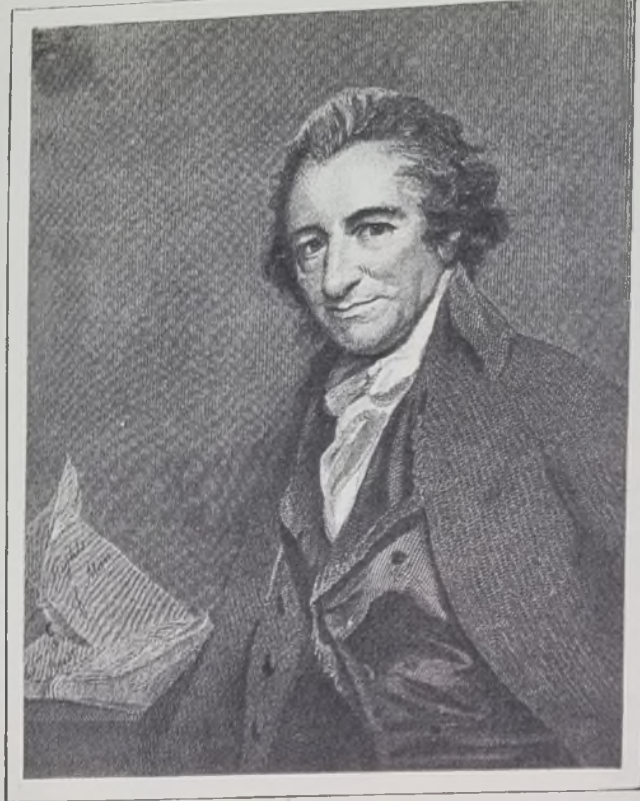

Фото © М. У. Арпс, г. Вашингтон, США

применение нефти для ослабления напора волн и т. д. В 1756 году Лондонское королевское общество в знак признания научной деятельности Франклина избрало его своим почетным членом, а 16 лет спустя то же самое сделала и Французская Академия наук. Впоследствии он стал почетным членом всех научных обществ Европы.

Государственный деятель и дипломат

Как государственный деятель Франклин был в передовых рядах тех, кто создавал Соединенные Штаты. Будучи делегатом Континентального конгресса, он являлся одним из основных составителей Декларации независимости (см. фото на стр. 14). Франклин единственный подписал все четыре основополагающих документа в период зарождения истории Соединенных Штатов как государства: Декларацию независимости, Американско-французский договор о союзе, Договор о мире с Великобританией и конституцию Соединенных Штатов. Работа Франклина на посту посланника во Франции во многом содействовала победе в революционной войне. Он был принят в Париже с большими почестями. Французы были очарованы его остроумными высказываниями, его тактом и общительностью. По улицам его сопровождали толпы народа, а поэты писали стихи в его честь. Многие историки полагают, что он был самым способным и удачливым дипломатом из всех, кого Америка когда-либо посылала за границу. В 1754 году он выдвигает свой «План союза» с целью объединить 13 американских колоний под руководством «центрального правительства»; в этом плане уже было заложено зерно идей, впоследствии воплощенных в американской конституции. С 1757 по 1775 год он был неофициальным послом колоний в Великобритании и участвовал в борьбе против Закона о торговом сборе колонистов, с помощью которого английский парламент пытался обложить налогом граждан американских колоний, твердо защищая при этом интересы колонистов до тех пор, пока наконец в 1766 году этот закон не был отменен. Ученый и гуманист, Франклин всю жизнь заботился о счастье, благополучии и достоинстве человечества. «Дай бог, — писал он в одном из своих последних писем, — чтобы все народы на земле были не только проникнуты чувством любви к свободе, но и хорошо знали права человека и чтобы философ-мыслитель, куда бы ни ступила его нога, мог сказать: „Это — моя страна“».

Портрет Томаса Пейна, гравюра с портрета работы английского художника XVIII века Джорджа Ромни.

„Здравый смысл“

Памфлет Томаса Пейна

Бернард Бейлин

Текст © Перепечатка воспрещается

«Здравый смысл» — это самый блестящий памфлет, написанный в период американской революции, и один из самых блестящих из всех когда-либо написанных на английском языке. Объяснить, как могло это произведение выйти из-под пера обанкротившегося квакера — занимавшегося изготовлением корсетов, бывшего некогда и учителем, и священнослужителем, и бакалейщиком — и разжалованного акцизного чиновника, на которого в Англии обратил внимание Бенджамин Франк-

лин и который прибыл в Америку лишь за 14 месяцев до выхода в свет «Здравого смысла», так же трудно, как и объяснить, что такое гений вообще.

Ибо его памфлет — действительно гениальное произведение, несмотря на всю свою сумбурность, хаотичность и несовершенство. Он буквально «вырвался из печати», — писал Бенджамин Раш, — и по силе своего воздействия вряд ли может быть сравним с каким бы то ни было документом или с напечатанным произ-

ведением, когда-либо выходящим в какой-либо стране». Его воздействие, отмечал Франклин, было «огромнейшим». Он затронул самое сокровенное в политическом самосознании американцев, появившись в сложный период истории их страны.

Памфлет был написан англичанином, а не американцем. Пейн имел лишь весьма смутное представление о проблемах американцев, прежде чем, приняв предложение Франклина написать историю англо-американских разногласий, получил возможность сочинить пламенный трактат о независимости Америки. Несмотря на это, «Здравый смысл» не только выражает самые сокровенные чаяния американского народа в канун революции, но и с удивительной силой и в превосходном стиле раскрывает устремления и надежды, которые и по сей день остаются частью американской культуры.

Какую оценку следует дать этому удивительному документу 200 лет спустя? С каким мерилом следует подходить к нему в контексте нашего нынешнего понимания причин и значения революции?

Мне думается, не следует задавать традиционного вопроса, ускорил ли «Здравый смысл» движение за независимость. Для этого он был и написан, и такой мощный, такой громкий призыв, услышанный во всех американских колониях (каждый, кто умел читать, должно быть, так или иначе ознакомился с ним), не мог не заставить людей задуматься над происходящим. Он, несомненно, побудил тех, кто еще колебался и оставался на консервативных позициях, так и не придя ни к какому решению, еще раз задуматься над будущим, которое, возможно, открывалось перед Америкой.

Ведь памфлет появился, пожалуй, в самый нужный момент, когда необходимо было оказать сильнейшее воздействие на людей. Он был опубликован 10 января 1776 года. За девять месяцев до этого развернулись первые битвы революционной войны, а за семь месяцев до его появления произошло кровопролитное сражение на Бридс-Хилл (противоположный от Бостона берег залива), где находился штаб британской армии в Америке, давно уже окруженный войсками провинций.

Все знали, что началась какая-то война, — это было очевидно, однако цели войны отнюдь не были столь очевидными. В Континентальном конгрессе существовали разногласия относительно того, каким образом следует использовать победу в случае, если она будет одержана в войне. Группа влиятельных и трезво оценивающих события деятелей (в основном из Массачусетса) была убеждена в том, что лишь независимость от Англии отвечает коренным интересам Америки. Бенджамин Франклин, недавно вернувшийся из Лондона, пришел к тому же выводу и нашел единомышленников в Филадельфии.

Однако не все члены конгресса придерживались этого мнения, и оно не было еще воспринято широкими слоями населения. Ни одна колония не поручала своим делегатам добиваться независимости, а конгресс не предпринимал ни одного шага, который был бы несовместим с мнением (все еще разделявшимся большинством), что перед Америкой стоит цель вынудить британский парламент признать требуемые ею свободы и лик-

БЕРНАРД БЕЙЛИН — американский историк и деятель просвещения. С 1966 года — профессор истории в Гарвардском университете, где он преподает вот уже почти 30 лет. Опубликованные им работы охватывают широкий круг проблем, связанных с историей американской общественной мысли, историей социальных отношений и экономики. Среди них: «Идейные истоки американской революции» (1967), за которую ему были присуждены премии Пулитцера и Банкрофта, и «Памфлеты американской революции», за первый том этой книги ему была присуждена преподавательская премия издательства Гарвардского университета (1965). К числу его других крупных публикаций относятся «Истоки американской политики» (1968), «Миграция мысли: Европа и Америка, 1930—1960 гг.» (1969), где он выступает в качестве одного из редакторов книги, и «Право в американской истории» (1972). Более полный вариант этой статьи был представлен в качестве доклада на 2-м симпозиуме, посвященном американской революции и организованном Библиотекой конгресса США в Вашингтоне в 1973 г.

видировать ту несправедливость, о которой Америка давно уже заявляет на весь мир. Самые дерзкие предположения не поднимались до понятия независимости, сам здравый смысл, казалось, восставал против него.

Пусть это преувеличение, но все же можно сказать, что выступить в начале января 1776 года с требованием независимости мог только либо безумец, либо фанатик.

Все знали, что Англия была самой могущественной страной в мире. Каждый, у кого здравый смысл брал верх над энтузиазмом и воображением, знал, что несколько процветающих, но слабых общин, раскинувшихся по побережью Атлантического океана, выйдут из-под опеки и контроля Англии, в скором времени подвергнутся нападению соперничающих между собой европейских держав, чьи представления о политической власти и системе государственных учреждений были прямо противоположны тем, которые в борьбе пытались сохранить сами американцы.

Наиболее показательным было то, что свободы, к которым стремились американцы, были по природе своей британскими: они были завоеваны Англией в течение столетий и закреплены конституцией, в которой уравновешивались нужды государства и права индивида, и это в то время рассматривалось западным миром как одно из величайших достижений в истории человечества.

Было, конечно, ясно и то, что в последнее время происходило что-то неладное. Колонии придерживались общего мнения о том, что пресловатая сбалансированность конституции (как в Англии, так и в Америке) была нарушена злонамеренной шайкой министров, рвущихся к власти и обративших свои взоры на колонии: их ввела в заблуждение дезинформация некоторых колониальных чиновников, уповавших на то, что расширение королевской власти в колониях откроет перед ними путь к влиянию и богатству.

Однако британская конституция подвергалась нападкам и до этого, и, хотя прежде в некоторых случаях приходилось принимать решительные меры для восстановления того равновесия, которое она обеспечивала, ни один из сколь-нибудь известных деятелей никогда не приходил к выводу, что несовершенна сама конституция. Никто ни разу не усомнился в принципе, в силу которого свобода (как ее понимали колонисты) не только жила, но и была порождена устойчивым равновесием трех важнейших социально-конституционных групп: монархии, аристократии и широких слоев народа, — каждая из которых имела соответствующий ей правительственный орган: власть короля, палату лордов и палату общин.

Если это равновесие и было нарушено, пусть американцы, как некогда англичане, и борются за его восстановление; пусть они прогонят злодеев и вновь встанут на защиту единственной из когда-либо существовавших систем, гарантирующей и свободу и порядок.

Америка процветала при этой благодетельной системе, поэтому здравый смысл требовал восстановить ее равновесие. Разве кто-то мог разрушить лучшую политическую систему в мире, созданную поколениями законодателей, каждый из которых продолжал и совершенствовал мудрые начинания

своих предшественников, лишь только потому, что ее нынешние правители были злоумышленниками или преступниками?

Можно ли было предположить, что эти почти не связанные между собой и слабые общины, раскинувшиеся по побережью Атлантики, смогут одержать военную победу над Англией, а затем построят систему правления, лишенную недостатков, обнаружившихся в почти совершенной английской системе?

В те дни, когда создавалась работа «Здравый смысл», будущее — даже самое недалекое — таилось во мгле неизвестности. Никто тогда не мог с полной уверенностью указать путь, который в дальнейшем история признает правильным.

Никто тогда не мог знать, кого со временем будут считать героями, а кого трусами или злодеями. Никто тогда не мог знать, кто победит, а кто потерпит поражение.

Но Пейн был убежден, что знает ответы на все эти вопросы, и огромное воздействие «Здравого смысла» на умы объяснялось в значительной мере бескомпромиссностью и непоколе-

мается, что вопрос о его влиянии на зародившееся движение за независимость не самый важный из тех, которые надлежит сейчас затрагивать. Ведь в настоящее время мы можем детально проследить за всеми этапами развития событий, побудивших конгресс голосовать за независимость, и чем внимательнее изучаем мы развитие событий в конгрессе в начале 1776 года, тем менее важным представляется нам «Здравый смысл». Он сыграл определенную роль — это несомненно; и многие деятели как в конгрессе, так и за его пределами помнили об этой работе, когда принимали окончательное решение провозгласить независимость. Но, как отмечал Джон Адамс, памфлет оскорбил чувства по меньшей мере стольких же людей, скольких и убедил в своей правоте (трудно сказать, кого было больше).

В настоящее время нас интересует нечто иное, а не вопрос о том, внес ли памфлет неоценимый вклад в движение за независимость. Есть в этом памфлете нечто необычное, самобытное и уникальное, не говоря уж о страстном призыве в нем к неза-

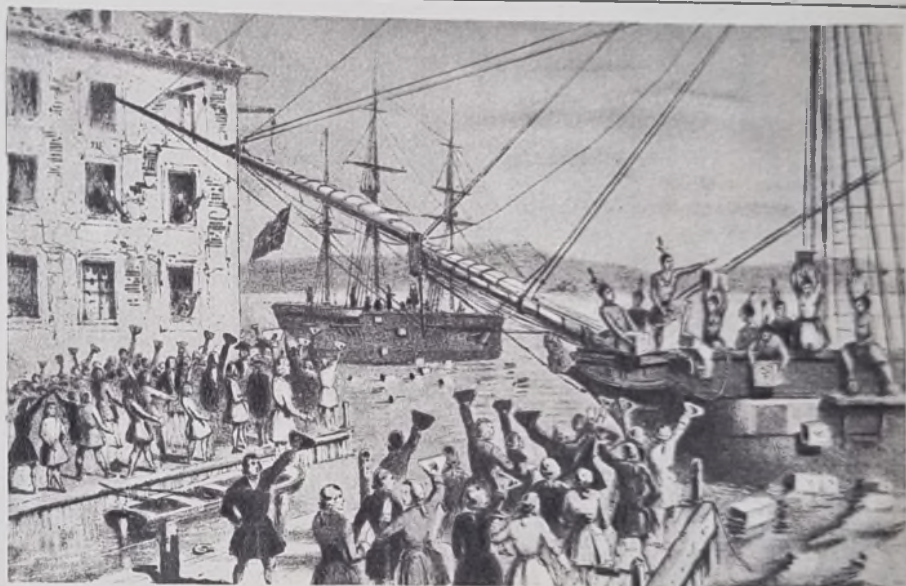

Фото ЮСИС, Париж

Изображенное на этом фото «Бостонское чаепитие» явилось выражением протеста американских колонистов против английской политики ввоза чая в Америку. 16 декабря 1773 года колонисты в индейских одеждах явились на борт трех английских кораблей, пришвартованных в Бостоне [город на Атлантическом побережье Америки], и сбросили их груз в воду. В ответ англичане ввели жестокие законы, так называемые «Нетерпимые акты». Это еще больше настроило общественное мнение колоний против Англии и наряду с памфлетом Томаса Пейна «Здравый смысл» ускорило начало революционной войны в Америке. За несколько лет до этого, в 1765 году, английское правительство пыталось посредством закона о гербовом сборе обложить колонистов налогом на содержание английских войск в Америке, однако сопротивление американцев заставило отменить этот закон в 1766 году.

бимой уверенностью в том, что независимость — это благо, а лояльность по отношению к Англии — зло. История была благосклонна к Пейну, и его памфлет стал пророческим. Учитывая, однако, конкретную историческую обстановку, сложившуюся в момент его публикации, содержащиеся в нем утверждения представлялись многим скорее дерзкими, нежели пророческими.

Все это лишь отчасти объясняет удивительную историю появления этого памфлета и того огромного воздействия, которое он оказал на умы людей той эпохи. И все же мне ду-

висимости. И это его отличие — которое люди того времени сознавали, но не могли четко определить, которое выделяло его из общей массы литературы этого жанра в эпоху революции, — мне кажется, дает возможность понять саму суть всей революции.

Мне думается, что поиски этого его отличительного качества были бы более полезны, чем попытки определить его воздействие на движение за независимость.

Язык памфлета, безусловно, вызывает восхищение. Сам стиль «Здравого смысла» уже позволяет рассмат-

ны. Американцы знают, что у них были ошибки, и понимают, что их ошибки оказывают значительное влияние на ход мировых событий, поскольку просчеты страны, играющей важную роль на мировой арене, не могут не оказать сильного воздействия на положение во всем мире.

И все же большинство американцев, как бы критически они ни относились к своей собственной стране, убеждены также, что мир стал лучше за период 200-летней истории США.

Вновь анализируя свои давние официальные документы, американцы приходят к выводу, что у них есть основания быть довольными собой — Билль о правах вошел прочно в жизнь американского народа. Билль о правах имеются у многих народов, однако не везде они имеют действительную силу. Недавние события, подтверждающие, что никто не может безнаказанно поставить себя над законом, вновь подчеркивают, что государством в Соединенных Штатах управляют законы, а не отдельные личности. Кампания по проведению первичных выборов на уровне штатов, которые предшествуют общенациональным выборам, напоминает американцам, что их правительство зависит от согласия тех, кем оно управляет. Поскольку никто не может передать право на выражение этого согласия другому, так как оно является неотъемлемым, американцы считают, что их избирательная система действительна, как бы дорого она им ни обходилась. Использование этого права рассматривается как обязательство по отношению к своей стране.

Конечно, сегодня американцы так же обескуражены проблемами своей внешней политики, как и в 1776 году. Некоторые из них желали бы, чтобы внешнего мира вообще не существовало. К сожалению, американская нация стоит сейчас перед угрозой все усугубляющейся неспособностью понять язык других народов.

Все меньше и меньше студентов изучают иностранный язык; число американских студентов, обучающихся за рубежом, за три года сократилось вдвое. Многие американцы ссылаются на то, что, поскольку английский язык широко распространен в мире, нет нужды в изучении иностранных языков; при этом они упускают из виду очень важный и тонкий момент: культуру того или иного народа можно понять, лишь пользуясь ее собственными категориями, иными словами, ее родным языком. Итак, внешний мир будет существовать, и просвещенные американцы понимают это.

Чего же в таком случае хотят американцы от внешнего мира? Когда-то считалось, что они хотят нравиться всем. Однако американцы сетуют на то, что им надоело слышать, как кто-то требует, чтобы они поняли проблемы той или иной страны, в то время как, на их взгляд, мало кто пытается понять их собственные проблемы. Им надоели домогательские знатоки, которые проявляют полное непонимание механизма действия федеральной системы, самобытности различных американских регионов или даже положений конституции.

Они хотели бы, чтобы студенты и ученые за рубежом более серьезно

изучали американскую историю и литературу, с тем чтобы даже недоброжелательные выводы о Соединенных Штатах основывались бы на обширной и подлинной информации.

Однако они не требуют больше, чтобы их любили, потому что 200 лет истории действительно научили эту теперь уже сложившуюся и политически зрелую нацию тому, что дружбу между странами нельзя строить на тех же принципах, что и дружбу между отдельными людьми. Однажды кто-то высказал предположение, что американцы перебрались из детской кроватки на кушетку психиатра, где их подвергают психоанализу, и они желают не столько нравиться, сколько быть понятыми. Может быть, это и так, но тем не менее можно предположить, что большинство американцев готово вернуться на 200 лет назад только ради того, чтобы их изучали.

Год 200-летнего юбилея страны — это год размышлений для многих американцев. Их политические деятели, пресса, телевизионные комментаторы и университетские аудитории — все обращаются к прошлому как к средству, помогающему выдвинуть четкие требования к будущему.

В какой-то степени Америка была страной, начинающей все сначала, страной, где с особой силой утвердил себя миф о возможности возврата к старым добрым временам. Но в какой-то степени история американского народа всегда была устремлена в будущее.

Американцев, где бы они ни находились, отличает их самобытность; они остаются верны своим истокам, даже несмотря ни на какие разговоры об их любви к странствиям; и чтобы заставить себя поступать наилучшим образом, они обращаются именно к этой своей самобытности. Американцы — люди с чувством достоинства, они понимают, что именно это качество всегда приходит на помощь, когда жизнь бросает им вызов, посылает испытание или сулит обновление.

В век массовой информации мы сознаем, что многое из принимаемого за правду об Америке или любой другой стране, не всегда объективно. Чтобы проникнуть в существо вопроса, необходимо изучать Америку так же, как и любое другое сложное общество, а не подпадать под влияние тех, кто — независимо от их намерений — делает далеко идущие обобщения о стране, которую знают лишь поверхностно.

Американцы по-прежнему остаются оптимистами и потому верят, что все еще не постигли своего будущего. Уолт Уитмен, как и ранее, остается их пророком. Они теперь спокойнее относятся к противоречиям своего общества, понимая, что некоторые из них — на первый взгляд, более глубокие, чем в действительности, а иные — лишь доказательство динамичности общества.

Американский народ многолик, сложен и парадоксален; присущие ему противоречия по-прежнему проявляются в его динамизме; не случайно Уитмен в «Песне о себе» (имея в виду Америку) писал: «И все они льются в меня, и я вливаюсь в них, и все они — я, из них изо всех и из каждого я тку эту песню о себе». ■

ТОМАС ПЕЙН

и его роль в истории США

Жак Жансанс

ЖАК ЖАНСАНС (Бельгия) — известный ученый, специалист по истории XVIII—XIX веков. Среди его опубликованных работ: «Краткая история Соединенных Штатов» (1956) и «Камилль Делмулен — первый республиканец Франции» (1973).

Первый год войны за независимость подходил к концу, однако в рядах американцев все еще царил замешательство. Патриотически настроенные лидеры ратовали за окончательный разрыв с Англией, однако большинство членов Континентального конгресса не решалось провозгласить независимость объединенных колоний, порвав тем самым связи, соединявшие их с метрополией.

Именно в это время, в январе 1776 года, в Филадельфии и был напечатан небольшой памфлет (всего 47 страниц), который восприняли как взрыв брошенной бомбы (см. статью на стр. 20).

Успех памфлета, озаглавленного «Здравый смысл», был необычен: мгновенно распроданные сотни тысяч экземпляров этой брошюры призывали к восстанию во всех колониях.

Первоначально считали, что памфлет принадлежит перу Бенджамина Франклина; когда же стало известно подлинное имя автора, все с удивлением узнали, что сторонник американской независимости и противник британской олигархии был не кто иной, как англичанин, всего немногим более года назад прибывший в Новый Свет. Звали его Томас Пейн.

Он родился 29 июня 1737 года в Тетфорде, маленьком английском городке в графстве Норфолк. Отец его был квакером, мать — протестантка.

Знакомство с обществом «друзей», то есть квакерами, породило в нем ужас перед насилием, угнетением и отсутствием терпимости во всех их проявлениях.

Семья его была бедной, и потому в 13 лет он вынужден был заняться тем же ремеслом, что и отец, — изготовлением корсетов. Затем в 24 года он поступил на службу в таможенню и отличился в борьбе с контрабандистами.

Его выделяла среди коллег необычайная энергия, и когда было решено заявить властям о нелегких условиях труда, именно ему поручили составить петицию, в которой содержались претензии и требования служащих таможни.

Отправившись в Лондон, он пламенно убеждал в своей правоте членов парламента и других влиятельных людей, пытаясь заручиться их поддержкой.

Потому ли, что он покинул свой пост без разрешения, а быть может, это был всего лишь предлог, чтобы избавиться от своевольного чиновника, Пейна уволили со службы.

На первый взгляд, казалось бы, ничего не значащее событие. Однако именно этот внешне столь несущественный факт, возможно, стоил Англии ее американских колоний.

У Пейна появилось много друзей среди ученых; они-то и познакомили его с находившимся в то время в Лондоне Бенджамином Франклином, который, обнаружив в Пейне незаурядные способности, проникся к нему симпатией. Он считал, что человек такого размаха, как Пейн, мог бы стать полезен Америке. Со своей стороны, бывший английский таможенник не страшился перспективы эмигрировать за океан: ведь еще с юных лет он мечтал побывать в Новом Свете.

В октябре 1774 года Пейн покинул Англию. Обосновавшись в Филадельфии, он зарабатывал на жизнь уроками. Спустя некоторое время Пейна приглашают на работу книгоиздатель — редактировать новый журнал

Влияние американской революции вышло далеко за пределы Америки. Оно сказалось и в такой неожиданной области, как парижские моды. На этой гравюре, названной „Прическа в стиле «независимость», или торжество Свободы“, показана типичная для XVIII века замысловатая высокая прическа, в данном случае иллюстрирующая одно из событий тех дней. Украшение в виде корабля на голове парижанки напоминает о морском бое 17 июня 1778 года с участием французского фрегата «La Belle Poule», направлявшегося в западное полушарие для помощи американцам в борьбе за независимость.

«Пенсильвания мэгэзин». Благодаря его усилиям число подписчиков журнала вскоре возросло с 600 до 1500 человек. Этому успеху журнала немало способствовали статьи, написанные самим Пейном.

Пейн был первым человеком в Америке, выступившим за освобождение черных рабов, за равноправие женщин и за гуманное обращение с животными. Большое внимание в своих статьях он уделял и вопросу о возрастающих разногласиях между Англией и тринадцатую американскими колониями. Он разделял точку зрения тех американцев, которые наделись на примирение с Англией.

Когда в апреле 1775 года раздались первые выстрелы в битве при Лексингтоне, он, не колеблясь, занял сторону повстанцев, которые под лозунгом «свобода или смерть» подняли

знамя революции. Пейн объявил себя гражданином мира, провозгласив при этом: «Моя Родина — весь мир, моя религия — сеять добро».

Убежденный республиканец, ненавидящий монархический деспотизм, он стремился погасить в сердцах своих новых соотечественников последние роялистские настроения, и это ему удалось: когда перед Соединенными Штатами встал вопрос о выборе государственного строя, республиканские идеи взяли верх.

Преследуя именно эту цель, он задумал написать брошюру «Здравый смысл». В ней Пейн изложил основы конституции и набросал ясный, смелый и действенный план создания государственной власти, план, впоследствии вдохновивший законодателей Пенсильвании и Виргинии. Лишь одна идея этого плана не была

ривать его как один из важнейших документов и назвать уникальным памфлетом об американской революции.

В первом самостоятельном разделе памфлета, излагающем принципы правления вообще и английской конституции в частности, высказываются сравнительно абстрактные идеи, хотя понятия даны в конкретных образах: «Правительство, подобно одеждам: символ утраченного целомудрия; царские дворцы воздвигнуты на руинах райских кущ».

Что касается «хваленой конституции Англии», то она была «нечто благородное в те мрачные времена рабства, когда была создана, — писал Пейн, — ибо, когда тирания правила миром, малейшее отступление от нее было уже замечательным освобождением».

Что можно сказать о действительном происхождении нынешних монархов, столь воспеваемых легендами и ведущих свой род, как принято считать, от глубокой древности? Более чем вероятно, писал Пейн, что основатель любой из современных королевских династий «нисколько не лучше главаря разбойничьей шайки, чье дикое поведение и превосходство в коварстве принесли ему звание первого среди грабителей и который, умножая свою власть и расширяя пределы своих набегов, устрашал мирных и беззащитных, с тем чтобы они покупали свою безопасность частыми приношениями».

А английские монархи? «Ни один здравомыслящий человек не скажет, что их притязания со времен Вильгельма Завоевателя отличались благонамеренностью».

Французский ублюдок, высадившийся во главе вооруженных бандитов и воцарившийся в Англии вопреки согласию ее жителей, является, скажем прямо, крайне мерзким и низким пращуром». Непреложный факт в том, что «монархия и престолонаследие покрыли кровью и пеплом... весь мир».

Язык Пейна становится наиболее живым и особенно убедительным в третьем разделе, озаглавленном «Мысли о нынешнем состоянии американских дел». Именно на страницах этого раздела уровень эмоционального воздействия особенно высок, а его лирические отступления даже в те времена, возможно, звучали пророчеством.

«Никогда еще солнце не светило более достойному делу... Это не вопрос дня, года или эпохи; в борьбу фактически вовлечены потомки, и они до скончания века будут в той или иной степени подвергаться влиянию настоящих событий. Теперь настало время заложить семя континентального союза, семя веры и чести... малейшая трещина будет подобна имени, выгравированному булавкой на нежной коре молодого дуба; нанесенное повреждение росло бы вместе с деревом, и потомки читали бы уже надпись из заглавных букв».

В этом разделе приводятся тщательно сформулированные положения о необходимости независимости Америки и о способности колоний добиться этой независимости; Пейн дает отпор всем тем, кто поднимал голос против независимости. Пророческий лейтмотив первых абзацев, написанных в лирических тонах, прослежи-

вается и в дальнейшем, и ощущение необходимости принятия безотлагательного решения держит читателя в неизменном напряжении.

«Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют: «пора расстаться»». Настало время действовать, утверждает он: «Нынешняя зима стоит целой эпохи, если ее правильно использовать, но, если мы упустим это время или пренебрежем им, несчастье падет на весь континент».

Возможность мирного решения конфликта исчезла, «поэтому, раз ничто, кроме драки не поможет, ради бога, отделимся и окончательно помешаем грядущим поколениям перерезать друг другу горло, прикрываясь оскорбительными и бессмысленными словами о сынах одной отчизны». Торжественно звучит заключительная часть памфлета:

«О! Вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, выйдите вперед! Каждый клочок Старого Света подавлен угнетением. Свободу преследуют по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества».

В памфлетах периода американской революции ничто не может сравниться с этими строками по эмоциональному накалу и лиризму. Живой язык наверняка поразил тогдашнего читателя, привыкшего к бесстрастной и серой прозе.

Однако язык сам по себе еще ничего не значит. Он лишь отражение умственных способностей, умения излагать свои мысли, эрудиции автора. С точки зрения интеллектуального воздействия памфлет поистине уникален.

Следует отметить, что «Здравый смысл» не всегда четко аргументирован. То и дело мы сталкиваемся здесь с серьезными нарушениями логики. Огромная сила интеллектуального воздействия памфлета заключается, однако, не в четкой аргументации тех или иных вопросов, а в полном пересмотре взглядов, лежавших в основе такой аргументации, — в пересмотре, который заставил мыслящих читателей задуматься не над тем или иным конкретным вопросом или выводом, а над возможностью совершенно по-новому взглянуть на весь спектр затрагиваемых проблем.

За всеми определенными аргументами и выводами, выдвигавшимися против независимости, скрывались подспудные, подразумеваемые и даже неосознанные предположения, взгляды и образ мысли, которые чрезвычайно затрудняли принятие колонистами решения порвать с Англией и увидеть возможность получения столь желаемых ими свобод и безопасности в перспективе своей будущей независимости.

Особая интеллектуальная ценность «Здравого смысла», каким-то образом объясняющая воздействие его на умы читателей того времени, заключается в полном пересмотре устоявшихся взглядов и в таком сдвиге бытовавших в то время умонастроений, при котором все ранее существовавшие представления о характере англо-американских разногласий были поставлены под сомнение.

В английском и англо-американ-

ЦВЕТНЫЕ ВКЛАДКИ

На противоположной странице (вверху):

типичный для Новой Англии пейзаж. Белый обшитый досками дом наполовину скрыт деревьями. Новая Англия включает шесть американских штатов, образовавшихся из английских колоний, основанных в XVII веке на Атлантическом побережье Америки: Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут.

Внизу:

Пора золотой осени в Новой Англии. Особенно красиво в этой местности во время бабьего лета. Зеленые деревья и папоротника переходят в пылающую гамму золотисто-коричневых, лимонных и красных тонов. На снимке — Новая Англия: за ветвями деревьев, на золотом ковре из опавших листьев, примостилась церквушка.

На развороте:

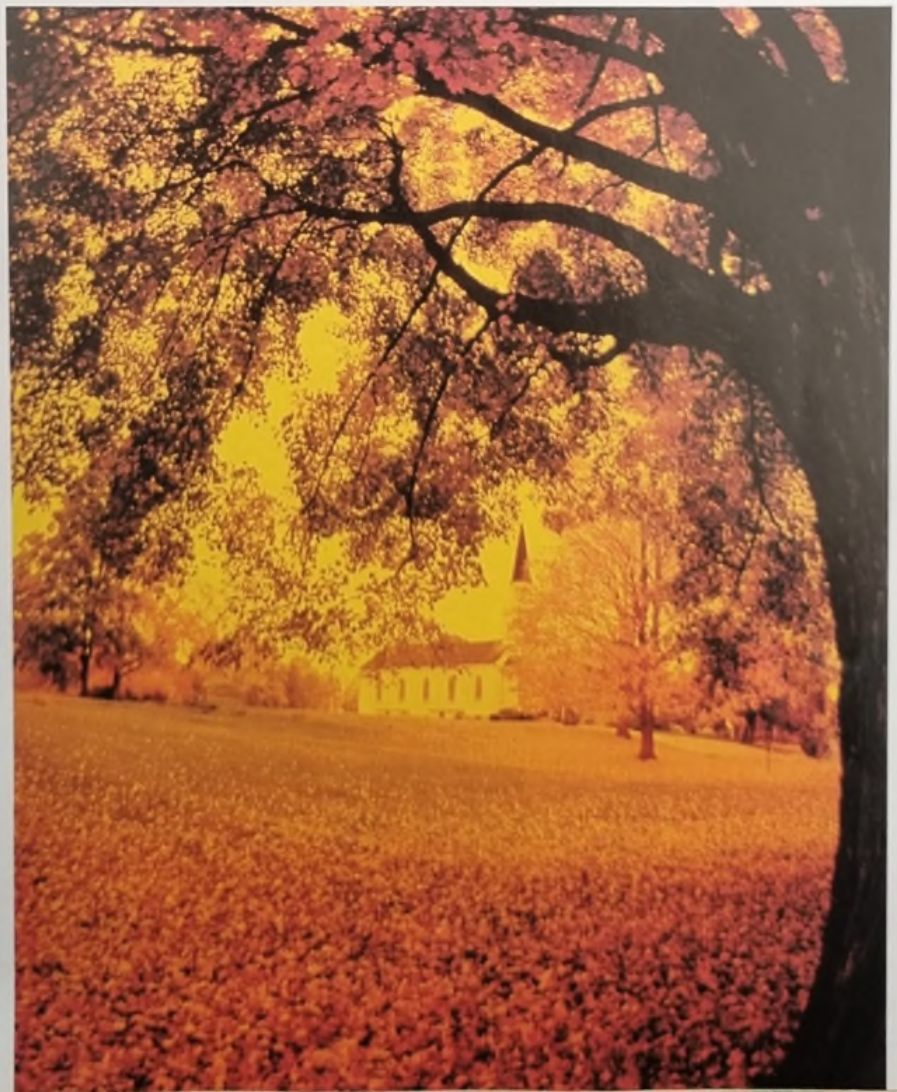
этот необычный, «импрессионистский» вид Нью-Йорка — снимок известного американского фотографа Эрнеста Хааса. Никакая «реалистическая» картина Нью-Йорка не была бы более выразительна, чем это сверкающее видение огромного города.

Фото Э. Хаас © Магнум, Париж

ском сознании сильнее всего укоренилась мысль о том, что в обществе по природе своей честолюбивых и эгоистичных людей свобода может быть обеспечена лишь в том случае, когда противоборствующие силы занимают такое положение, при котором ни одна из них не может монополизировать государственную власть и управлять без сильной оппозиции. Применительно к англо-американскому обществу эта доминирующая мысль предполагала далее, что три главных социально-конституционных претендента на власть: монархия, знать и народ — имеют равные права в борьбе за власть, поскольку все они составляют элементы политической системы.

Самым существенным из всей этой системы основных представлений о конституционном устройстве было негласное (хотя и лежащее в основе всего остального) мнение о том, что сложность правительственной системы хороша сама по себе, поскольку она обеспечивает существование всего строя, и, наоборот, простота и незамысловатое функционирование правительственной структуры пагубны, поскольку они ведут к монополизации власти, что в свою очередь может привести лишь к жестокой государственной автократии.

Пейн подверг сомнению всю эту основную конституционную парадигму, и, хотя его выводы были отвергнуты в Америке (американское государство и национальные органы власти, разумеется, основаны именно на тех идеях, которые он отверг), после выхода в свет «Здравого смысла» уже нельзя было говорить, что люди по-прежнему автоматично, не задумыва-

ваясь, верили, будто существовавший порядок имеет какой-то смысл, а уважение к некоторым его аспектам было уничтожено навсегда.

Все предшествующие представления о правлении ложны, писал Пейн. Сложность не является достоинством правительства, говорил он. В действительности же истина кроется в совершенно противоположном: «Чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить, когда она испорчена».

Простота свойственна самой природе, поэтому если английская конституция перевернула естественный порядок вещей, то сделала она это лишь для того, чтобы способствовать осуществлению неестественных целей знати и монархии, которые не имеют права участвовать в управлении государством.

Знать — это лишь тленные останки древней «аристократической тирании», которой удалось сохраниться за ширмой закосневших мифов. Монархическая ветвь представляла собой более сложную проблему, поэтому Пейн посвящает целые страницы своего памфлета разоблачению ее притязаний на участие в конституционном правлении.

«Коронованный негодяй» — так он называл Георга III — был таким же смехотворным конституционным политическим деятелем, как и подобные ему на Европейском континенте. Хотя по своему конституционному положению он должен досконально знать дела своего королевства и активно участвовать в их решении, в силу своего чрезвычайного социального положения, полностью оторвавшего его от повседневной жизни («он занимал особое место, как некий новый вид»), он был навсегда лишен возможности заниматься именно этим.

В результате в Англии, писал Пейн, «король только и делает, что воюет и раздаёт должности», а все другие мирские дела решаются палатой общин.

Однако, раздавая имеющиеся в его распоряжении дары, он извратил всю конституцию, как таковую. Единственным соперником короля в борьбе за власть была палата общин, однако он смог подкупить этот орган раздачей должностей и запугиванием королевской властью. Таким образом, идея сбалансированности английской конституции является чистым надувательством, поскольку «воля короля

является таким же законом на британской земле, как и во Франции, с той лишь разницей, что, не исходя прямо из его королевских уст, она сообщается народу в грозной форме парламентского акта».

Никто (по крайней мере, никто из писавших тогда в Америке) не пропагандировал столь ясно, не имея при этом надлежащей подготовки, как Пейн, преимуществ республиканского правления. Это был первый и один из самых важных вызовов, брошенных Пейном существовавшим тогда неправильным представлениям, за которыми последовали и многие другие.

В своем «Здравом смысле» Пейн упорно разоблачал одну за другой бытовавшие в то время ложные посылки, побудившие колонистов — сознательно или нет — противиться независимости. Обнажая их внутреннюю предубежденность и выражая тем самым свое презрение к ним, он заставлял людей думать о немислимом, подолгу размышлять, казалось бы, над само собой разумеющимся и таким образом сделать первый шаг в сторону радикальных перемен.

Так, к проблеме независимости всегда относились как бы с точки зрения родственных отношений: колонии некогда были детьми, жизнеспособность которых зависела от государства-родителя; однако теперь они уже повзрослели и вопрос сводится к тому, достаточно ли они сильны, чтобы самостоятельно выжить и преуспеть в мире, состоящем из враждующих государств. Такое представление, заявил Пейн, было целиком ложным. В этом, как и во многих других вопросах, американцы были введены в заблуждение «древними предрассудками и... суеверием».

Заботливая на первый взгляд опека Англии по отношению к своим колониям была лишь формой эгоистического экономического обогащения. На самом же деле, заявлял Пейн, эти колонии никогда не нуждались в ее опеке; более того, они тяготились ею. Они гораздо больше преуспели бы, если бы Англия вообще их игнорировала, поскольку благополучие колоний всегда основывалось на торговле предметами первой необходимости, а эта торговля успешно существовала бы и процветала до тех пор, пока «Европа не оставит привычку к еде».

Таким образом, по ключевым вопросам Пейн изложил взгляды, имеющие более существенное значение, чем просто доводы в пользу независимости (хотя он привел и их). Он изменил исходные посылки в трактовке этих проблем и заставил вдумчивых читателей рассмотреть их под различными углами зрения, тем самым подвергнув анализу те аспекты спорной проблемы, которые считались ранее неизменными.

Написанный в превосходном стиле, направленный не столько против выводов, к которым пришли противники независимости, сколько против их невысказанных предположений и представлений о том, что очевидно, а что нет, «Здравый смысл» представляет собой уникальный памфлет в литературе об американской революции. Однако ничто из перечисленного не является самым главным его достоинством.

В памфлете есть нечто более важное. И хотя доказать это гораздо труднее, чем выявить те отличитель-

ные особенности, о которых мы уже говорили, эта сторона значимости памфлета, очевидно, наиболее важна, ибо она касается социальных аспектов американской революции.

В истории США написано много страниц по вопросу о том, насколько американскую революцию можно было бы назвать революцией социальной. Мне представляется, что некоторые моменты этого вопроса уже достаточно хорошо изучены.

Американская революция не была результатом невыносимых социальных или экономических условий. Колонии были процветающими общинами, экономическое положение которых после неурядиц, последовавших за Семилетней войной, стало улучшаться, особенно в период, когда разногласия с Англией обострились. Революция не была также и преднамеренным актом, совершенным с целью перестроить социальный порядок, уничтожить последние остатки старого режима, сохранившиеся в Америке.

Не было и наслаивающихся друг на друга «нарушений», которые вызвали бы у населения колоний особые революционные настроения.

И все же в революционном движении ощущался, хотя и косвенно, социальный момент. Правда, он был едва уловим, временами переплетался с другими аспектами этого движения и явно не выступал. Наиболее убедительно он был раскрыт в прекрасной прозе «Здроваго смысла» Пейна.

«Здравый смысл» от начала и до конца пронизан гневом. Памфлет написан разгневанным человеком — не тем, кто сомневался в разумности английской конституции и созданной по ее подобию системы в Америке, а тем, кто ненавидел и то и другое и кто страстно желал нанести по ним сокрушительный удар. Памфлет написан пламенным языком, и он оставил неизгладимый след в умах живших в то время людей, поскольку за словами стояла неколебимая убежденность не только в том, что Англия стала жертвой коррупции и что Америка должна провозгласить свою независимость, но и в том, что вся структура общества и его правительство глупы и жестоки и что они уцелели лишь только потому, что жестокость, систематически проявляемая ими по отношению к человечеству, была скрыта за фасадом всевозможных мифов и предрассудков, которые одурманивали сознание людей и не давали им восстать против угнетения.

Почти все другие известные памфлеты об американской революции преследовали цель поднять трудные, насущные и спорные проблемы и дать соответствующие рекомендации. «Здравый смысл», однако, преследовал цель разрушить существовавший в то время порядок в мире. «Здравый смысл» отнюдь не отличался четкой логикой, научностью и рациональностью изложения, присущими лучшим американским памфлетам. Он не ставил перед собой задачи нарисовать реальную картину неизвестного еще будущего образа жизни, убедить кого-то или что-то объяснить; он ставил перед собой задачу подвить и разрушить.

В этом отношении «Здравый смысл» можно сравнить не с памфлетами других американских авторов, а с произведениями Джонатана Свифта, ведь он также разил сло-

Верхний снимок (слева):

стена есть стена... Она годится для игры в американский ручной мяч, может служить полотном для буйной палитры начинающих художников, а то и местом для всякого рода переписки и надписей.

Нижний снимок (слева):

в 1965 году в южных штатах США в различные законодательные органы было избрано 72 представителя черного населения. Сегодня в этих органах их уже тысяча. На снимке, присланном с Юга, увлеченный игрой черный ребенок рядом с белым человеком.

претворена в жизнь: освобождение черных рабов и приобщение их к жизни общества, хотя Пейн и подкрепил свои идеи моральными, религиозными и экономическими доводами.

Публикация памфлета принесла Пейну огромную популярность. Народ называл «Здравым смыслом» самого Пейна, и многие знали его лишь под этим именем.

Вдохновленный Декларацией независимости и считавший, что его личный вклад в дело революции еще недостаточно велик (военное положение было критическим), Пейн оставляет журнал и вступает в ряды повстанцев. С винтовкой в руках он отступал с боями после сдачи армией Форта-Ли.

Когда пала и Филадельфия, а Вашингтону, не получившему подкрепления, пришлось отступить к Вэлли-Фордж с пятью тысячами измученных в неравных схватках солдат, Пейн был рядом с повстанцами и разделял с ними все тяготы военной жизни.

После падения Форта-Ли, в военном лагере при свете костра, на привале, Пейн написал первый из серии памфлетов — «Американский кризис», чтобы поднять дух отступающей армии. Надежда, стойкость, убежденность — с этими словами он обращался к солдатам. И энтузиазм, охвативший в конечном итоге армию, убедил генерала Вашингтона не сда-

ваться и атаковать противника у Трентона.

В апреле 1777 года, когда конгресс учредил Комитет по иностранным делам, Пейн был назначен его секретарем. Назначение на этот пост, однако, не прошло гладко: у Пейна появились противники — его выступления за освобождение черных рабов вызвали, по-видимому, скрытую враждебность со стороны некоторых представителей Юга. Тем не менее популярность его как публициста сыграла немаловажную роль при новом назначении, и в течение двух лет он добросовестно и со знанием дела выполнял обязанности секретаря.

В 1781 году конгресс, испытывавший острую нужду в деньгах, поручил Пейну составить документ с просьбой о финансовой помощи, направляемый французскому правительству. Пейн, который в это время намеревался начать издание собственной газеты, пожертвовал своими планами и вынужден был сопровождать полковника Лоренса в Париж, где Пейн поселился у Франклина, жившего тогда в Пасси. Скорее благодаря усилиям Пейна, нежели Лоренса, эта миссия увенчалась успехом, хотя все почести за успех дела были оказаны полковнику. Французская помощь дала возможность генералу Вашингтону продолжить кампанию, которая привела к капитуляции армии генерала Корнвалли-

са при Йорктауне, завершившей войну за независимость Америки против Англии.

В этом случае, как и во многих других, Пейн проявил полное бескорыстие. Он отказался от авторских прав на свои памфлеты, отказался даже от прав на «Здравый смысл», общий тираж которого достиг почти миллиона экземпляров. На его трудах наживались лишь издатели. Он так бедствовал, что дважды или трижды вынужден был обратиться к конгрессу на свою крайнюю нужду. «Как тяжело, — писал он Вашингтону, — что страна, которая должна была стать для меня домом, предоставила мне лишь убежище».

Некоторые штаты в конце концов признали заслуги этого франтирера, бескорыстно служившего революции, и вознаградил его. Конгресс последовал их примеру и вынес решение о вручении Пейну 3000 долларов, учитывая пользу от плодов его труда.

Удалившись на ферму, Пейн намеревался мирно жить в своем домике в Бордентауне (штат Нью-Джерси), посвятив время научной деятельности (его любимым детищем была изобретенная им модель железного моста), однако вскоре его потянуло на родину, в Англию. И когда летом 1787 года Пейн отплывал в Европу, он был далек от мысли, что лишь только через 15 лет ему суждено будет вернуться в свою «любимую Америку».

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 46

ПРОЩАНИЕ ДЖ. ВАШИНГТОНА С ЛАФАЙЕТОМ

Джордж Вашингтон вошел в историю США как «отец-основатель своей страны». Он командовал армией, завоевавшей независимость, был председателем Конвента, который выработал конституцию страны, и стал первым президентом Соединенных Штатов. На портрете (внизу): Вашингтон в молодости; внизу справа: Вашингтон на террасе своего дома в Маунт-Вернон [штат Виргиния] прощается со своим близким другом, французским военачальником и государственным деятелем Лафайетом, который добровольно вступил в армию Вашингтона и вместе с ним доблестно сражался за независимость Америки. Справа (вверху): в честь принятия Декларации независимости [1776] в Филадельфии звонит знаменитый Колокол свободы.

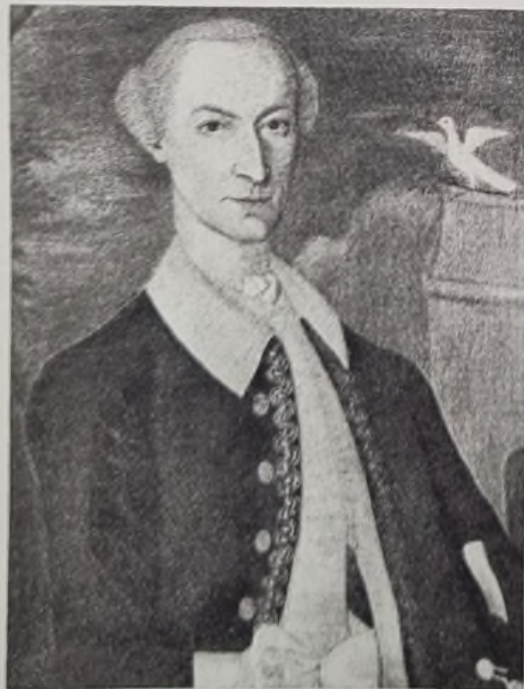

Фото © Пармаж, Парик

Фото ЮСИС, Парик

Фото ЮСИС, Парик

ИСТОРИЯ „СВОБОДЫ“

Статуя Свободы, была даром народа Франции народу Соединенных Штатов к 100-летию американской независимости. На этой гравюре показана сборка статуи на острове Свободы, в нью-Йоркской гавани летом 1886 года. В левой руке «Свободы» — изображение книги с датой принятия Декларации независимости: 4 июля 1776 года.

Фото ЮСИС, Париж

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СТАТУЕ СВОБОДЫ

Статуя Свободы — одна из самых больших статуй, высота ее — 46 метров до вершины факела. Сам факел возвышается на 93 метра от пьедестала статуи, сделанного из гранита и бетона. Голова статуи (от шеи до короны с лучами) высотой 8,5 метра и 15 метров в окружности. Статуя собрана из медных листов на стальном каркасе и весит свыше 200 тонн.

Факел свободы светится сквозь 600 листов свинцового стекла (см. подпись к последней странице обложки на стр. 3). Он освещается 19 лампами общей мощностью 13 000 ватт. Вокруг площадки для обзора внутри короны имеется 25 окошек, в которые могут смотреть сразу 30 человек.

Две параллельные винтовые лестницы ведут от цоколя к венцу. Посетители поднимаются по одной из них и спускаются по другой.

«Эйфелева башня», облаченная в одежды скульптора Бартольди. «Скелет» статуи, спроектированной французским скульптором Бартольди, был создан французским инженером Густавом Эйфелем, который впоследствии и построил знаменитую Эйфелеву башню в Париже (1889).

Каркас статуи сделан из чугуна на стальных колоннах. Скульптор и инженер совместно создали сооружение, которому не страшны и самые свирепые ветры Атлантики.

К цоколю статуи на высоту 50 метров посетителей поднимает лифт, который проходит через весь пьедестал. Пьедестал построен на пожертвования населения Соединенных Штатов.

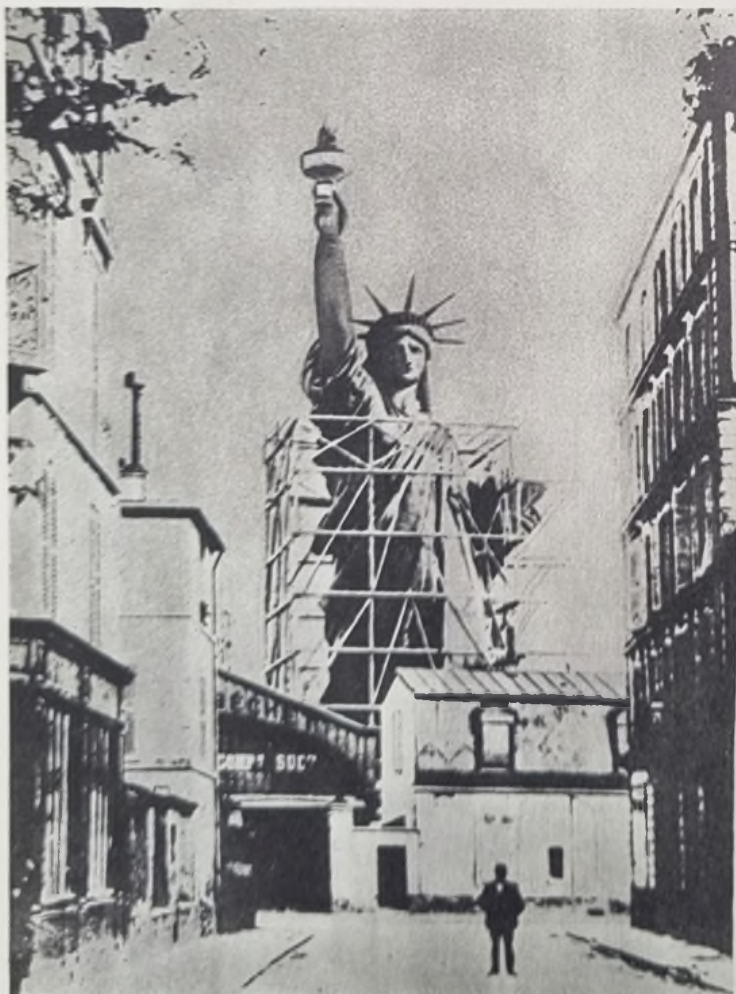

Фото © Всемирная энциклопедия, США

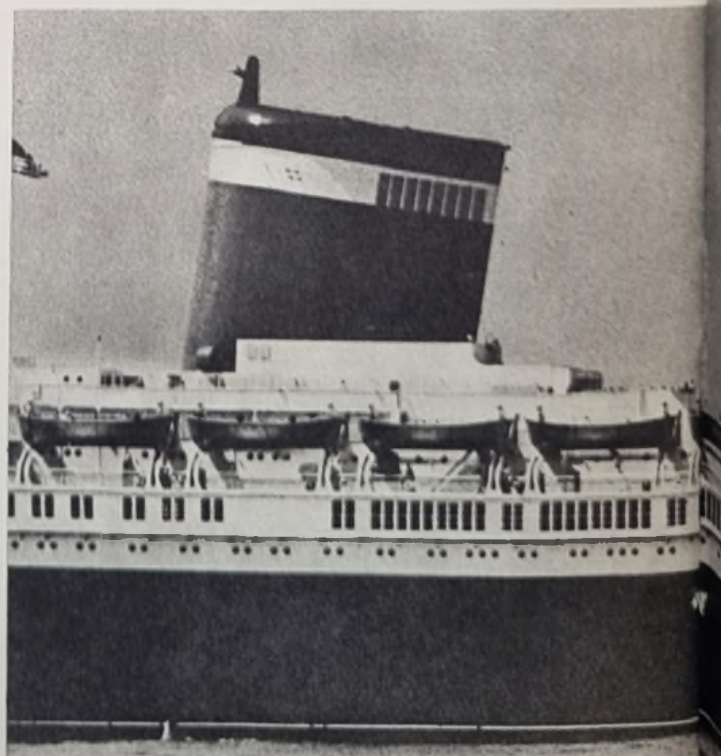

ИСТОРИЯ «СВОБОДЫ» (Продолжение)

На постройку статуи Свободы ушло целых 20 лет. В 1865 году французский историк Эдуард де Лабулье выдвинул идею создания памятника в ознаменование 100-летия независимости США, который Франция и Соединенные Штаты могли бы создать в память об их союзе во время войны за независимость. Это предложение вдохновило молодого, но уже известного французского скульптора Фредерика Бартольди (1834—1904); он задумал создать колоссальную металлическую фигуру, которую перевезли бы по частям в США. Пока Франко-американский союз собирал во Франции средства на этот дар, Бартольди создал статую, секция за секцией. Гравюры того времени отображают изготовление огромной [5 метров в длину] руки и головы [фото 1 и 2]. Парижане

3 Фото ЮСИС, Париж

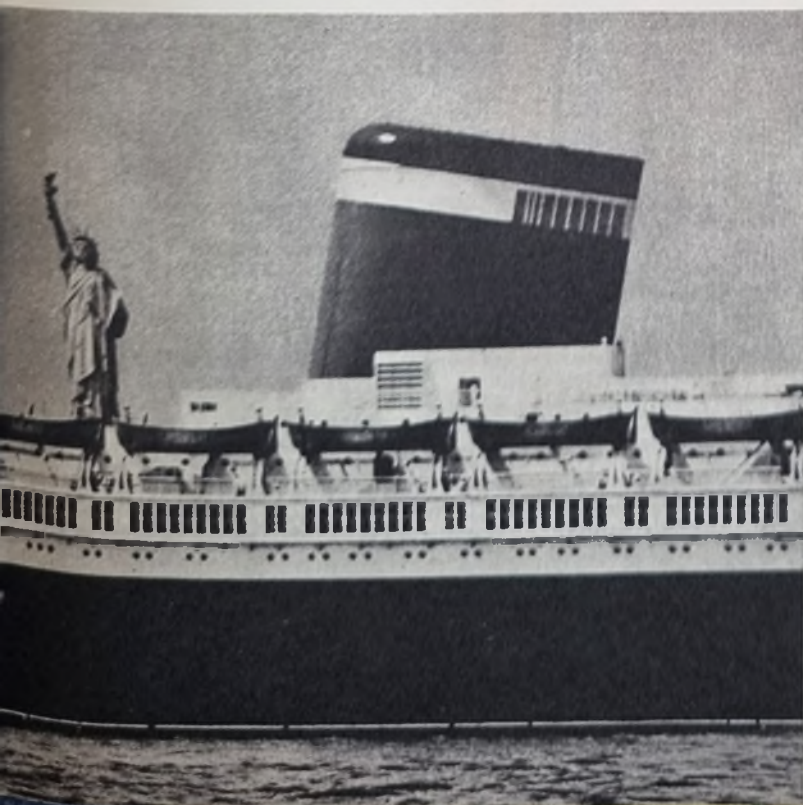

2

Фото © Национальная библиотека, Париж

с изумлением наблюдали, как это исполинское изображение поднималось все выше над ателье Бартольди [3]. К апрелю 1876 года модель была закончена, но Бартольди продолжал работу над статуей (он назвал ее своей «дочерью») до 1884 года. В разобранном виде ее перевезли в Соединенные Штаты на французском корабле в 210 огромных ящиках. После сборки в Нью-Йорке статуя Свободы была открыта 28 октября 1886 года. В 1885 году американцы, жившие в Париже, преподнесли ее семиметровую копию Франции в знак признательности за ее дар. Эта уменьшенная копия стоит в Париже близ моста Мирабо [4] недалеко от Эйфелевой башни, а оригинал на острове в нью-йоркской гавани приветствует суда всех стран мира [5].

Фото Д. Ханстейн © Снарк интернэшнл, Париж

4 Фото М. Клод — ЮНЕСКО

ОПЫТ МНОГИХ НАРОДОВ И МНОГИХ КУЛЬТУР

Янь Лу Вань и Герберт Шивамбо Шор

В «Американской балладе» могучий голос Поля Робсона воспевают Америку — страну иммигрантов:

*Вы спрашиваете, американец ли я? Я...
Ирландец, негр, еврей, итальянец,
Француз, англичанин, немец, испанец,
Китаец, поляк, шотландец, чех,
Но прежде всего я американец!*

И сегодня, спустя 200 лет со дня своего основания и более 100 лет после возникновения мифа об ассимиляции наций, Соединенные Штаты Америки по-прежнему остаются страной многих народов, на обширной территории которой динамично взаимодействуют и развиваются самые разнообразные культуры.

В публо Юго-Запада танцуют «маттачинес» и «танец оленя» и до сих пор помнят легенды о тех временах, когда в близлежащем городке Пикурис жил Монтесума. Стоит вам перейти на другую сторону Гранд-авеню в Сан-Франциско или Мотт-стрит в Нью-Йорке, и вы видите, что почти все вывески написаны по-китайски. Если, находясь в Южной Калифорнии, вы задумаете сдавать эк-

замен на водительские права, то не удивляйтесь, когда вам вручат брошюру с правилами уличного движения, отпечатанную на трех языках. Американские телефонистки могут заговорить с вами на испанском, китайском или английском языках, в зависимости от того, из какой части страны вы заказываете разговор. В церквях и на улицах Гарлема, на островах Си-Айленда, расположенных у побережья Джорджии, можно увидеть негритянские лица и услышать африканские ритмы. А Новый Орлеан является типичным креольским городом, воплотившим в себе черты французской, африканской и испанской культур. В Америке есть ирландский Бостон, польский Чикаго, немецкий Цинциннати, славянский Питтсбург, португальский Глостер и скандинавский Миннеаполис. Во многих американских городах есть китайские и японские кварталы, маленькие Италии, а такие поселения, как Таос, Фор-Корнерс или Вундид-Ни, являют собой центры национальной культуры американских индейцев.

Географические названия, которые можно встретить на карте страны, названия рек, озер, городов, поселков, улиц, свидетельствуют о многообразии американской культуры. Миссисипи, Миссури, Раппаханнок и Монангахела напоминают нам о наследии коренного населения страны; Калифорния, Санта-Фе, Чимайо, Сан-Франциско говорят об испанском, мексиканском и индейском прошлом и настоящем. В Америке насчитывается одиннадцать городов, названных Афины, восемь городов Москва, восемь Франкфуртов, десять Женев, семь Ватерлоо, и это не говоря уже о Голландии в Мичигане, Небраске и Миннесоте, Лондоне и Одессе в Техасе и Стокгольме в Южной Дакоте.

Один из путешественников, посетивший в прошлом веке Америку, писал: «Однажды на почтовой станции в Буффало (штат Нью-Йорк) я прочитал следующее объявление: «Отсюда отправляются дилижансы в Китай, Сардинию, Голландию, Гамбург, Яву, Швецию, Кубу, Гавр, Италию и Пенн-Ян». Все это — названия населенных пунктов в Соединенных Штатах Америки.

Американская кухня также в высшей степени интернациональна. Она включила в себя множество национальных блюд, одни из которых остались без изменений, другие были при-

способлены к американскому вкусу. В магазинах страны продаются кнishi и еврейская фаршированная рыба, китайский соевый творог и суп вон-тон, говядина по-чешски и жаркое по-ирландски, немецкий зельц и квашеная капуста, восточный плов и африканский кускус, а также неисчислимое множество других приготовленных и расфасованных блюд народов Европы, Азии, Африки и Ближнего Востока в свежем, замороженном и консервированном виде. Такие экзотические названия, как «чопсуи» или «чили кон карне», впервые появились в самих Соединенных Штатах, а приготовление незамысловатой итальянской пиццы превратилось в сложное кулинарное искусство. Поэтому, побывав в различных ресторанах страны, вы сможете в буквальном смысле совершить гастрономическое путешествие по всем странам и континентам.

Некоторые ремесла, кустарные промыслы и даже целые отрасли производства зачастую обязаны своим развитием той или иной национальной культуре. Земледелие и узоры на ткани, поделки из дерева и металла, музыкальные инструменты и многие виды искусства носят следы культуры, принесенной африканскими рабами и их потомками, хорошо известны в стране и старые индейские методы не только по выращиванию сельскохозяйственных культур, но и по использованию удобрений. Выходцы из Китая занимались главным образом строительством железных дорог и рудников американского Запада, но отличавшие их трудолюбие и изобретательность позволяли им работать также во многих аптеках и ресторанах. Выходцы из Ирландии строили железные дороги и каналы в восточных районах страны; большинство портных и занятых в швейной промышленности — евреи; славяне и другие народы Центральной Европы заняты в металлургии и сталелитейном производстве. Итальянцы основали винодельческие заводы в Калифорнии и построили метро в Нью-Йорке. В песнях трудового народа звучат мотивы уэльских шахтеров, португальских рыбаков, польских рабочих со скотобен, сельскохозяйственных рабочих чикано и навахо и, как поется в «Американской балладе», «...многих, многих других».

Фестиваль американского народного искусства, ежегодно проводимый в Вашингтоне, — это праздник страны

ЯНЬ ЛУ ВАНЬ — танцовщица и хореограф, специалист в области ритмики и пластичности движений. Занимается проблемами китайского и американо-китайского театра и танца, а также проблемами культурной самобытности. Преподаватель Калифорнийского университета (г. Сан-Диего).

ГЕРБЕРТ ШИВАМБО ШОР — писатель и драматург, театральный режиссер, консультант по вопросам культуры и исполнительского искусства. Художественный консультант Смитсоновского института по организации Фестиваля американского народного искусства, а также директор-консультант программ ЮНЕСКО по изучению новых явлений в области культуры. Ранее профессор факультета театрального искусства в Университете Дар-эс-Салама (Танзания). В США занимается проблемами литературы и театра стран Африки, а также проблемами культуры стран «третьего мира».

фото Л. Фрид © Магнум, Париж

И через 200 лет Соединенные Штаты остаются страной многих народов, взаимного влияния различных и динамичных культур. Здесь есть ирландский Бостон, польский Чикаго, славянский Питтсбург, португальский Глостер и скандинавский Миннеаполис. Во многих городах есть свои китайские кварталы, маленькие Токио и маленькие Италии, во многих штатах расположены поселения американских индейцев. Наряду с этим происходит все усиливающееся смешение рас и культур. На фото: черный отец и белый ребенок — семья из южного штата Северная Каролина.

иммигрантов, которые привезли с собой не только свои ремесла и мастерство, но и свои танцы и музыку, театральное искусство, свои легенды и баллады, свои языки и свои кулинарные традиции, а также свои обычаи и образ жизни. Однако для плюрализма культурного облика Соединенных Штатов характерно не только существование целого ряда культур, взаимодействующих в самой гуще американской жизни, но также и слияние этих культур, которые, смешавшись друг с другом, не утратили при этом своей самобытности и самостоятельности. Одни из носителей этих культур сконцентрировались в городах, превратившихся в своеобразные культурные центры, другие разбросаны по всей стране, третьи в силу предрассудков и экономических ограничений вынуждены находиться в своего рода гетто, четвертые образовали относительно замкнутые очаги культуры со своими моральными и духовными ценностями, со своим особым укладом жизни. Долгая и трудная борьба за культурную самобытность сыграла важную роль в истории страны.

Когда в 1776 году была провозглашена независимость, Америка уже была страной многих народов. Испанцы и французы, итальянцы и афри-

канцы, португальцы и греки, скандинавы, немцы, евреи — все они были первопроходцами этой страны, неоднократно посещали и к тому времени уже частично заселили ее. Однако самые первые иммигранты, которые сейчас имеют полное право именоваться коренными американцами, прибыли сюда примерно за 22 000 лет до н. э. из Сибири, когда на месте Берингова пролива была суша. К тому времени, когда Колумб ступил на американскую землю и ошибочно принял ее обитателей за жителей Индии, их было уже около миллиона. У них были различные экономические и социальные уклады, они были связаны весьма сложными договорными отношениями, говорили на разных языках и обладали различными культурами.

В своей книге «Здравый смысл» Том Пейн пишет, что первые тринадцать колоний были созданы представителями самых различных национальностей. Он писал: «Своим происхождением Америка обязана не Англии, а Европе». Однако даже от его внимания ускользнул тот факт, что примерно четвертая часть населения страны, сыгравшая важную роль в войне за независимость, состояла не из англичан и не из европейцев: ими были один миллион индейцев и около

четырёхсот тысяч черных из Анголы и других районов Восточной и Западной Африки.

Но это было только начало. Перемещение народов и культур в Соединенные Штаты в период с 1850 по 1920 годы являет собой пример, пожалуй, наиболее значительного и продолжительного переселения народов. Перед молодой страной встала задача создания единой нации и сближения культур ее многоязычного населения.

Власть имущих страшило это национальное многообразие, и в противовес ему они создали миф о том, что Америка является своеобразным горнилом, в котором выплавляется совершенно новый тип нации. Этот миф усиленно насаждался во всех областях жизни страны, подкрепляясь в одних случаях пропагандой и принуждением, а в других — существующими предрассудками. Учебные заведения, учреждения, предприниматели, журналисты — все поддерживали идею ассимиляции и всячески пропагандировали ее. Родной язык, обычаи, традиционные идеалы надлежало забыть и уступить место новой, «американской» культуре. Театральная постановка, подготовленная руководством автомобильной компании «Форд» для своего персонала в 20-х годах, была призвана дать наглядное

ственной самобытности помогает человеку лучше понять других людей. Оно может привести к такому оплодотворению, которое будет способствовать духовному и фактическому объединению гораздо сильнее, чем любая принудительно навязанная ассимиляция. Оно раздвигает горизонты, открывает новые грани сознания, позволяет еще глубже познать самого себя и носителей других культур. Мифы об асимилляции и теории о превосходстве одних культур над другими на деле приуменьшают способности нации воспринимать культуру других народов. Революция в области культурного взаимопонимания могла бы привести к важным сдвигам как в социальной политике, так и в международных отношениях.

И сейчас, на рубеже третьего столетия существования, перед Соединенными Штатами Америки открываются новые горизонты. Страна может достичь большего самопознания и создать такое социальное целое, в котором многообразие, выступающее как неотъемлемое условие и объект гордости человечества, послужит родником, питающим ее будущий прогресс.

Фото П. Конклин © Паримаж, Париж

Индейцы отстаивают свою самобытность

В Соединенных Штатах около 800 000 индейцев. Индейцы стремятся восстановить свое прошлое и свои древние традиции, создавая в то же время и новые. На снимках сверху: заканчивается строительство общинного колледжа индейцев навахо в резервации навахо, которая занимает территорию 25 000 квадратных миль в штатах Аризона, Нью-Мехико и Юта. В центре: маленькие индейцы навахо в местной школе. Женщины тоже присутствуют на уроке. Внизу: Фестиваль американского народного искусства, организованный Смитсоновским институтом в Вашингтоне, округ Колумбия. Индейцы-ирокезы, живущие в восточной части США, показывают старинную индейскую игру лакросс, которая пользуется сейчас широкой популярностью в Канаде и США.

Фото © Смитсоновский институт, г. Вашингтон, США

ФИЛАНТРОПИЯ В ИСКУССТВЕ

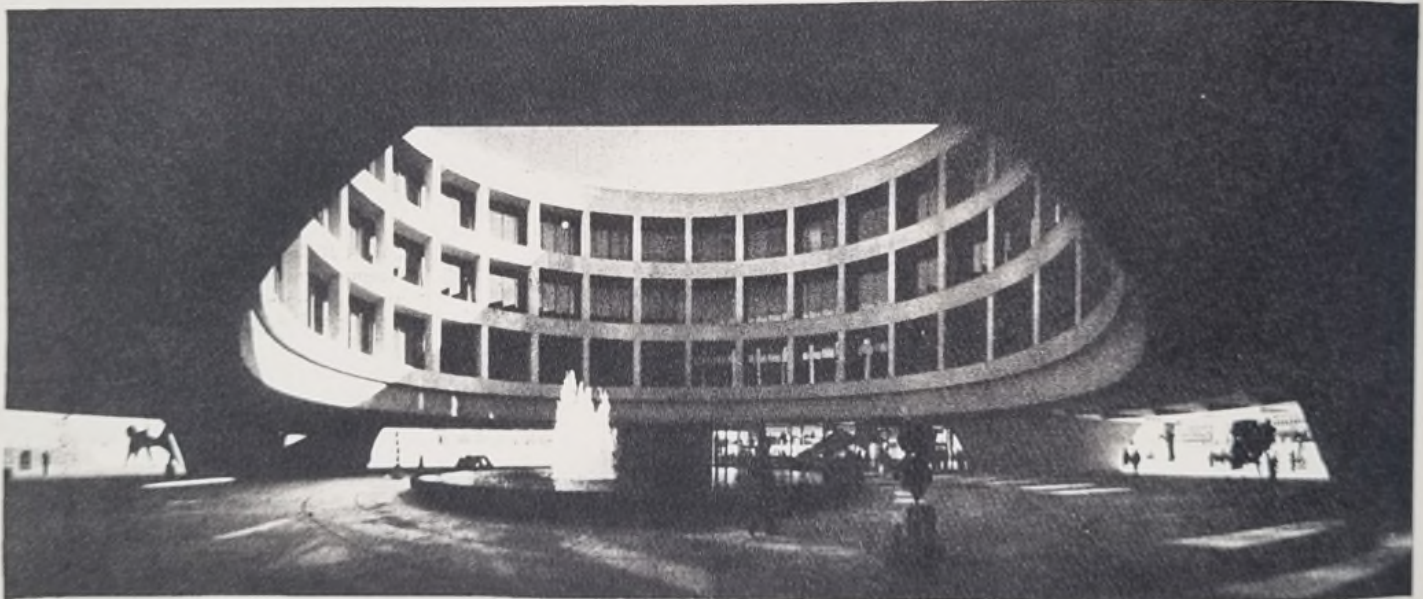
Фото © О. Пфейффер, г. Вашингтон (Толма Мэгэзин)

1

Фото © Гамма, Педит

2

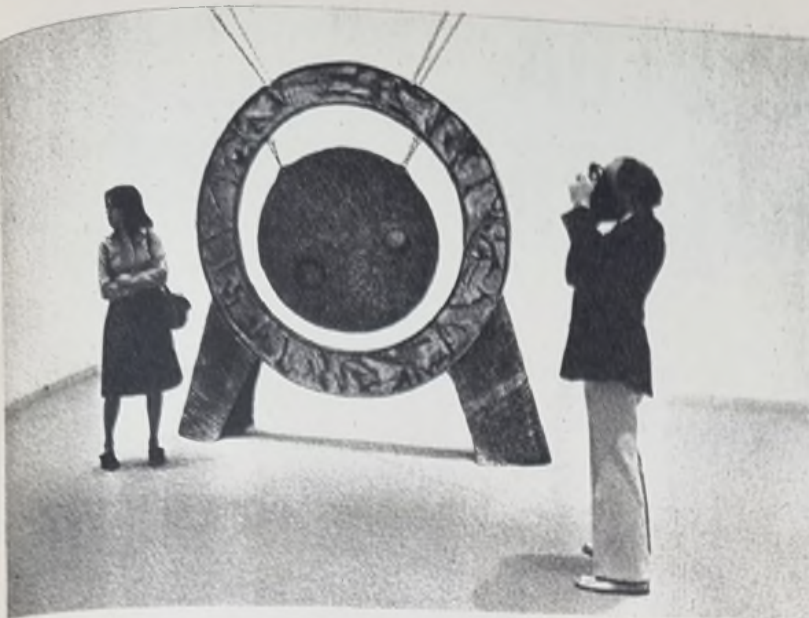
В 1966 году богатый американский бизнесмен Джозеф Х. Хиршхорн, родители которого, взяв его с собой, выехали в 1903 году из Латвии в США, передал в дар американскому народу коллекцию современной живописи и скульптуры, которую он собирал в течение 40 лет. В ответ на этот дар конгресс США основал в Вашингтоне Музей Хиршхорна, где разместили подаренные им произведения искусства. Таким образом, к 2500 музеев и картинных галерей прибавился еще один важный центр культуры, который посещают ежегодно более 100 миллионов человек. Музей, отыравшийся 4 октября 1974 года, входит составной частью в Смитсоновский институт — обширный комплекс музеев и научно-исследовательских институтов, специализирующихся в области искусств, наук и истории.

В Музее Хиршхорна собрано 4000 картин и 2000 скульптурных произведений, отражающих основные направления в американском и европейском искусстве с середины XIX века до наших дней. На фото: [1] Здание музея — типичный пример современных монументальных сооружений: конструкция высотой 25 метров представляет собой полый цилиндр на 4 массивных опорах. Не все восприняли одобрительно это сооружение. [2] Площадка музея: некоторые произведения со-

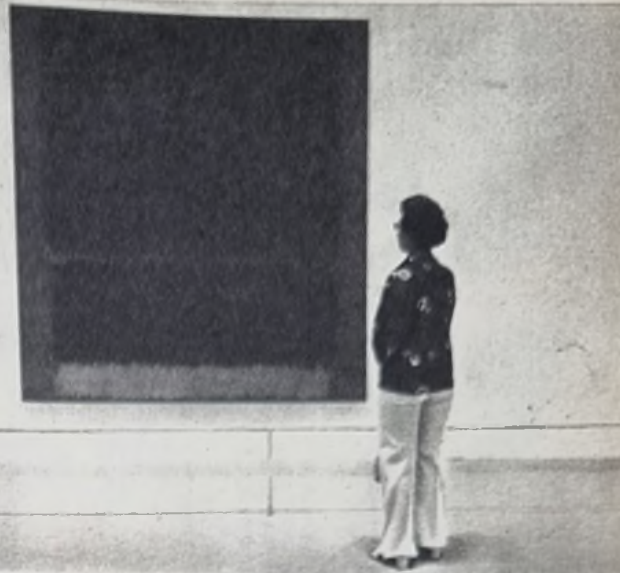
временной скульптуры выставлены для обозрения в довольно вместительном внутреннем дворике, ширина его — 35 метров. [3] В здании музея: посетители на выставке «Золотая дверь: Художники, приехавшие в Америку, 1876—1976». Представленные на выставке работы 67 художников, скульпторов, архитекторов и фотографов говорят о значительном вкладе приехавших в США художников в американское искусство. На следующей странице — несколько работ, представленных на выставке «Золотая дверь».

В Америке важную роль играют частные фонды пожертвований, с помощью которых развиваются искусства, гуманитарные науки и исследования в различных областях знаний. В Америке 26 000 частных фондов пожертвований; более чем 2500 из них располагают 1 миллионом долларов каждый. Три из самых крупных фондов — Форда, Рокфеллера и фонд Дьюка — тратят более 250 миллионов долларов ежегодно, причем две трети из этой суммы отводятся на образование и культурные программы. Одно из самых крупных пожертвований для развития искусства (20 миллионов долларов) было сделано «Меллон Эдьюкейшн энд Чэритэбл Трэст» для постройки и последующей деятельности Национальной галереи искусства в Вашингтоне.

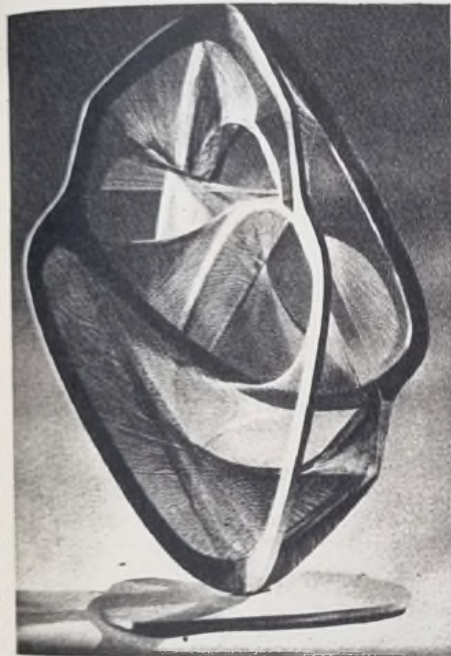
Фото © М. Лурган, г. Вашингтон (Толма Мэгэзин)

ФРЕДЕРИК КИСЛЕР. «Гонг» [1963—1964]
Родился в Черновцах в 1890 году.
Проживает в США с 1930 года.

МАРК РОТКО. Синее, оранжевое, красное [1961]
Родился в Дании (Россия) в 1903 году.
Выехал в США в 1913 году.

НАУМ ГАБО. Линейная конструкция № 4 [1959—1961]
Родился в Брянске (Россия) в 1890 году.
Проживает в США с 1946 года.

УОЛТЕР ГРОПИУС. Конкурсный проект здания газеты «Чикаго трибьюн» [1922]
Родился в Берлине в 1883 году. Выехал в США в 1937 году.

Фото © Музея Хршхорна, Смитсоновский институт, г. Вашингтон

ГАСТОН ЛАШЕЗ. Стоящая женщина [Героическая женщина] [1932]
Родился в Париже в 1882 году.
Выехал в США в 1906 году.

Фото © Гамма, Париж

ПИТ МОНДРИАН. Этюд картины «Бродвей буги-вуги» [1942]
Родился в Утрехте (Нидерланды) в 1872 году. Выехал в США в 1940 году.

Фото © А. Ньюман, Музея Хршхорна, Смитсоновский институт, г. Вашингтон

ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ИСКУССТВ

Бюджет Национального фонда искусств США — 82 млн. долларов, что составляет 40 центов на душу населения

Нэнси Хэнкс

«**М**ы строим свои планы, а жизнь идет своим чередом». Это справедливо в отношении не только отдельных лиц, но и народов.

Когда двести лет назад 13 колоний провозгласили свою независимость, порвав с далекой британской империей, отцы-основатели строили поистине грандиозные планы с тем, чтобы обеспечить людям жизнь, свободу и счастье. Некоторые цели им удалось достичь почти сразу же, например, учредить правительство на представительной основе. Что касается претворения в жизнь других идеалов, например поощрения развития искусства, то лишь 190 лет спустя это начало осуществляться на практике.

Многие отцы-основатели высоко ценили искусство и считали, что правительство должно активно содействовать их развитию. Я всегда считала, что возможность заниматься культурной деятельностью — это как раз то, что Томас Джефферсон назвал в свое время стремлением к счастью. Но перед молодым государством стояли тогда другие, более неотложные практические задачи.

Бенджамин Франклин, искусный дипломат и выдающийся ученый-практик, выразил эту мысль еще более просто: «Все мое время, и молодые страны, как и молодые люди, должны обуздывать свою фантазию во имя здравого смысла... Для Америки один учитель сейчас важнее, чем десять поэтов, а изобретение машины или усовершенствование уже имеющихся орудий производства важнее, чем шедевр Рафаэля».

НЭНСИ ХЭНКС — председатель Национального фонда искусств США и Национального совета по искусству. Ранее была помощником заместителя министра здравоохранения, образования и социального обеспечения, а затем специальным помощником департамента спецпрограмм Белого дома. С 1970 по 1975 год была членом Национальной комиссии США по делам ЮНЕСКО.

В 1789 году, когда вступила в силу конституция, целью которой было «обеспечить блага свободы для нас и наших потомков», Джордж Вашингтон признавал важность искусств и познания. Он писал, что члены конгресса должны «всемерно стремиться к тому, чтобы повышать образованность и улучшать манеры людей, ускорять прогресс искусства и науки, поощрять таланты... бережно относиться к учреждениям, способствующим расцвету человечества». В другом своем выступлении он призывал к созданию национального университета, который содействовал бы «расцвету искусств и наук».

Второй президент, Джон Адамс, писал своей жене Абигайл: «Я должен изучать политику и военное дело, чтобы мои сыновья свободно могли изучать математику и философию, обеспечить тем самым своим детям право изучать живопись, поэзию, музыку и архитектуру».

Это звучало в то время актуально. Среди задач федерального правительства на первом месте стояло обеспечение физической и политической безопасности; на втором месте — торговля и экономика. Искусствам оставалось лишь ждать своей очереди. (При всей широте и благородстве взглядов Адамса он указал слишком оптимистические сроки. Его сын, Джон Куинси Адамс, тоже изучал политические науки и стал шестым президентом страны.)

Практицизм нового правительства ознаменовал собой отход от политики официальной поддержки искусств, которая была весьма характерна для первых европейских поселенцев. В первой половине XVI века испанцы строили миссионерские школы в юго-западной части страны. В этих школах, созданных по образцу средневековых школ — при церквях, особое внимание уделялось музыкальному образованию, причем там учили не только исполнительскому мастерству, но и композиции и даже изготовлению музыкальных инструментов. Традиция эта, к сожалению, не сохранилась. Многие считают, что в системе просвещения искусствам до сих пор уделяется очень мало внимания.

Впервые проблемы искусств заинтересовали федеральное правительство, когда стал вопрос об архитектурном облике столицы государства — Вашингтона. В то время планирование городов было уважаемой традицией. Тщательно планировались, например, первые города Новой Англии: как правило, они строились вблизи главных зеленых массивов или «общинных земель» — открытых участков, которыми совместно владели все горожане. Новая столица, строящаяся на болотистых берегах реки Потомак, должна была стать величественным городом с монументальными общественными зданиями, архитектура которых должна была отражать идеалы республики.

Своих архитекторов в стране в то время было мало, и город был спроектирован талантливым, хотя, быть может, и слишком импульсивным французским инженером Пьером Ланфаном, отличившимся в рядах континентальной армии. Здание Капитолия проектировал Уильям Торнтон, врач по профессии, родившийся на Виргинских островах и получивший образование в Шотландии. Многие здания раннего периода были построены по проектам Торнтона и архитектора Этьена Але, уроженца Франции. Строили их европейские мастера, при этом широко использовался труд рабов. Но почти вся эта работа была сведена на нет, когда во время войны 1812 года город сожгли англичане.

После заключения Гентского мирного договора, который завершил войну в 1814 году, Капитолий и Белый дом были отстроены заново; в это время впервые серьезно обсуждалась проблема: должно ли федеральное правительство поощрять искусство. Первоначально вопрос встал в связи с внутренним убранством Капитолия. Был внесен законопроект о заказе «четырех картин, изображающих главные события революции», для украшения ротонды Капитолия.

Некоторые члены конгресса сомневались, действительно ли «справедливо и правомерно для правительства Соединенных Штатов становить-

Фото Л. Фрид © Магnum, Париж

Содействие правительства сыграло немалую роль в приобщении к искусству более широкого круга людей. Это особенно характерно для последнего десятилетия, когда был основан Национальный фонд искусств США, который стимулирует и поддерживает широкую культурную деятельность. Фонд искусств помогает, например, местным и этническим группам проводить программы культурных мероприятий и позволил привлечь профессиональных художников для занятий с учениками в 5000 школах.

ся покровителем изящных искусств». Однако верх одержала другая точка зрения, и для написания картин был приглашен Джон Трамбалл.

Герой революции Джон Трамбалл, берясь за эти полотна, по-видимому, уже не был тем молодым одаренным художником, каким он был когда-то. Даже некоторые из его сторонников в конгрессе при виде картин выразили глубокое разочарование, а те, кто с самого начала выступал против него, во всеуслышание заявляли о напрасной трате государственных средств.

В 1832 году разгорелись горячие споры по поводу памятника Джорджу Вашингтону. «Каждый разумный народ чтит память людей, спасших страну», — говорил один из тех, кто ратовал за создание огромного мраморного бюста стоимостью в 20 тысяч долларов.

«Мы будем хранить память о Вашингтоне в наших сердцах, — отвечал ему другой, — мы не доверим ее непрочному камню». И хотя памятники героям подвергались критике как пережиток эпохи, когда «свет разума еще не озарил тьму, в которой пребывало общество», тем не менее законопроект по этому поводу был

принят. Работу над памятником поручили выдающемуся американскому скульптору того времени Горацио Гринау, жившему в Италии.

В процессе работы над памятником Гринау придумал фигуру Вашингтона неоклассическую позу и облачил «отца нации» в одеяние, которое одни называли тогой, другие — банным полотенцем. Сторонники скульптора считали, что поза героя освящена веками; а его противников, например, шокировало, что скульптор изобразил Вашингтона по пояс обнаженным.

Памятник наделал много шума. Годы спустя, в 1876 году, один из посетителей Капитолия назвал его «наиболее величественным и наиболее критикуемым произведением искусства в Капитолии».

Все остальные украшения в Капитолии вполне отвечали национальным вкусам. Колонны были украшены табачными листьями и початками кукурузы вместо коринфских ветвей. Внутренние помещения расписаны фресками итальянского художника Константино Вурминди, но их вычурность и «чужеземный стиль» оскорбляли патристические чувства некоторых конгрессменов да и местных художников. Вероятно, американским

художникам просто не хватало мастерства и соответствующей подготовки для украшения общественных зданий в классическом стиле: в стране пользовались спросом лишь портреты, жанровые картины и произведения станковой живописи. В 1858 году по предложению группы оппозиционно настроенных художников президент Бьюкенен учредил комиссию по делам искусств. Но она оказалась настолько бездейственной, что, как писал один из критиков десять лет спустя, «с этого времени искусство, по существу, должно было само пробивать себе дорогу».

Историк Дилиан Б. Миллер указывает, что жгучие проблемы современности, которые впоследствии привели к гражданской войне, отеснили искусство в глазах федерального правительства на задний план. В результате прогресс в области культуры достигался лишь благодаря инициативе отдельных мастеров искусств и мог рассчитываться лишь на средства меценатов.

В 1877 году был внесен законопроект об учреждении национального совета по делам искусств. Законопроект не был принят. В 1891 году президент Гаррисон преобразовал

одну из ньюйоркских музыкальных школ в национальную консерваторию, руководителем которой в течение трех лет был Антонин Дворжак. Однако никаких государственных субсидий на ее содержание выделено не было, и через некоторое время консерватория закрылась (хотя устав ее остался до сих пор в силе). В 1910 году президент Тафт учредил комиссию по делам изящных искусств, которая должна была консультировать Белый дом и конгресс по вопросам искусства, но, по существу, она освещала лишь культурную жизнь столицы.

И только в 1930-х годах федеральное правительство занялось делами искусства в общенациональном масштабе, но опять-таки не по культурным, а по экономическим соображениям. С целью преодолеть «великую депрессию» президент Франклин Рузвельт наряду с другими чрезвычайными органами создал Администрацию по обеспечению работой — ВПА (Work Progress Administration).

В стране насчитывались миллионы безработных. Многим из них Администрация предоставила работу. Они строили дороги, мосты, школы, библиотеки, больницы, разбивали парки. Но директор Администрации Гарри Гопкинс заявил, что деятели искусств «тоже должны есть», поэтому многие художники, писатели, актеры и музыканты были тоже вовлечены в проводимые тогда по всей стране общественные мероприятия.

Основная их цель — предоставить каждому трудоспособному американцу оплачиваемую работу с тем, чтобы сохранить его творческие возможности, пока не минует кризис. Какой именно работой занимались люди искусства в тот период, не имело существенного значения; и приходится только поражаться, как много ценных работ создано в этих условиях деятелями искусства.

Нью-Йорк стал столицей искусства, критики считают, что это случилось благодаря деятельности ВПА, которая оплачивала художникам любительские работы, после чего их полотна зачастую продавались старьевщикам на квадратные ярды или по весу. За эти годы было создано 18 тысяч скульптурных работ, 108 тысяч произведений станковой живописи, 239 727 гравюр и эстампов, 500 тысяч художественных фотографий и 2500 фресок. Среди тех, кому удалось выжить в годы кризиса, работая на ВПА, были такие гиганты современной живописи, как Джэксон Поллак, Вилем де Коонинг и Марк Ротко.

Одним из наиболее крупных и успешных мероприятий, осуществлявшихся в рамках ВПА, была Федеральная программа для писателей, которая заключалась в издании Серии американских исторических путеводителей типа Бедекера по каждому штату. Для составления этих путеводителей федеральное правительство привлекало как опытных профессиональных писателей, так и безнадёжных дилетантов. Путеводители затем издавались книгоиздательскими фирмами и поступали в широкую продажу.

Среди молодых писателей, принимавших участие в этом геркулесовом труде, были Ричард Райт, Конрад Эйкен, Сол Беллоу, Ральф Эллисон, Джон Чивер, Фрэнк Йерби и Кеннет Рексрот. Видимо, потому, что усилия писателей были направлены на выполнение конкретной, обычной по

своему характеру задачи, этот проект не встретил противодействия.

Зато другой проект, так называемый «Федеральный театр», с самого начала подвергался нападкам со всех сторон. Во-первых, он способствовал появлению современных пьес, оскорблявших патристические чувства и моральные устои некоторых конгрессменов, вследствие чего последние обрушивались с ожесточенными нападениями на новый театр. Кроме того, коммерческие театры были против субсидирования федеральным правительством своих конкурентов. Но причина успеха театра ВПА, по-видимому, крылась в том, что он ставил смелые и занимательные пьесы, в то время как бродвейский театр переживал период застоя. Критика встретила новый театр с энтузиазмом, и толпы зрителей стекались на некоммерческие постановки Шекспира, Гилберта и Салливана; большим успехом пользовались также спектакли «живой газеты», в которых поднимались острые вопросы современности. В создании нового театра, насчитывавшего 158 трупп, участвовали такие выдающиеся деятели искусства, как Орсон Уэллес и Джон Хаусман; этот новый театр собирал на свои спектакли более 25 миллионов человек; многие надеялись, что это приведет к созданию передвижного «национального театра» с разнообразным репертуаром. Но споры, поднявшиеся вокруг нового театра, погубили это начинание.

В рамках ВПА были созданы также оркестры, выступавшие с концертами по городам и на радио, они собирали много слушателей. «Индекс оф америкен дизайн» обобщил и сохранил для нас историю развития декоративного искусства в США. В новых общинных центрах обучали своему мастерству профессиональные работники искусства.

В общей сложности по программам ВПА миллиона человек с 30 миллионами иждивенцев. Конечно, в области искусства создавались и низкопробные произведения; однако именно благодаря программам ВПА таким образом целое поколение американских работников творческого труда смогло выжить во времена депрессии.

Как сказал президент Рузвельт, «лучше случайные ошибки правительства, действующего в духе благотворительности, чем постоянное пренебрежение правительства, закосневшего в своем равнодушии».

С окончанием кризиса федеральную программу помощи свернули, а вместе с ней была приостановлена и поддержка искусств федеральным правительством. Но уже был создан своего рода прецедент.

В 1951 году президент Гарри Трумэн поручил уже упомянутой комиссии по делам изящных искусств изучить вопрос о том, каким образом правительство сможет оказать поддержку искусствам в общенациональном масштабе. Комиссия представила доклад сменившему Трумэну президенту Дуайту Эйзенхауэру, который в 1958 году подписал закон об учреждении Национального культурного центра в Вашингтоне. Этот центр впоследствии был назван Центром исполнительского искусства имени Джона Ф. Кеннеди в память сменившего Эйзенхауэра и погибшего президента США, уделявшего необычное для современного американского главы государства внимание вопросам

культуры. Кеннеди собирался учредить должность помощника президента по вопросам культуры и национальный совет по делам искусства, но после его убийства этой проблемой занялся Линдон Джонсон.

Итак, в 1965 году благодаря личным усилиям президента Джонсона конгресс утвердил законопроект об учреждении Национального фонда искусств и параллельной организации — Национального фонда гуманитарных наук. Подписывая этот документ, президент сказал: «На протяжении долгой истории человечества возникали и уходили в прошлое бесчисленные империи и народы. Тем из них, кто не смог создать вечно прекрасных творений искусства, в историю уделено всего лишь несколько строк. Искусство — это самое драгоценное наследие нации. Ибо именно в произведениях искусства проявляется как для нас, так и для других людей то внутреннее видение, которое движет нами как нацией. А там, где этого видения не существует, народ погибает...»

Чтобы добиться подлинных и прочных результатов, наши штаты и наши муниципалитеты, наши школы и наши крупные частные фонды должны объединиться с нами в едином усилии. Искусство нации рождается рядом с каждой общиной. В бесчисленных городах Америки живут тысячи никому не известных талантов. Цель настоящего законопроекта — оказать действительную поддержку этим людям — великому достоинству нации, — оживить искусства нашей великой страны».

Эти две организации значительно окрепли за прошедшие десять лет. В первый год существования Фонда искусств его бюджет составлял 2,5 миллиона долларов. В этом году его бюджет равняется 82 миллионам. Но хотя темпы роста бюджета и выглядят внушительно, он до сих пор составляет всего лишь 40 центов на душу населения, то есть равен стоимости отправки по почте простых трех писем.

Задача Фонда — стимулирование и поддержка самой разнообразной культурной деятельности в стране. К нам за материальной помощью обращаются как отдельные профессиональные творческие работники, так и творческие организации. Конечно, при нашем скромном бюджете мы можем удовлетворить далеко не все просьбы о помощи. Поэтому приходится удовлетворять просьбы избирательно, решения принимаются по очереди группами специалистов в каждой области искусства, которую охватывают программы Фонда: музыки, танцевального искусства, театра, таких массовых видов искусств, как кино, телевидение и радио, литературы, музейного дела, изобразительных искусств и архитектуры. (Кроме девяти программ по отдельным видам, имеются еще три междисциплинарные программы, предусматривающие выделение пособий организациям штатов по вопросам искусств и содействию развитию национального народного искусства.)

Решения специалистов рассматриваются советательным органом Фонда — Национальным советом по делам искусств. В него входили или входят такие всемирно известные актеры, как Джеймс Эрл Джонс, Элен Хейс, Чарлтон Хестон, Сидней Пуатье, Грегори Пек и Клинт Иствуд; выдающие-

ОСНОВАТЕЛЬ ПЕНСИЛЬВАНИИ О ЕВРОПЕ 1693

Фото «Курьера ЮНЕСКО»

УИЛЬЯМ ПЕНН (1644—1718)

Уильям Пенн, знаменитый английский квакер, получил в 1681 году от Карла II хартию о предоставлении ему американской территории, которую впоследствии стали называть Пенсильванией, увековечив тем самым имя Пенна. В 1682 году Пенн основал город Филадельфию. Будучи известным юристом, он разработал «Основы правления» для территории Пенсильвании. Влияние его либеральных идей, закрепленных в этом документе, чувствуется даже в конституции Соединенных Штатов. Пенн играл также заметную роль в истории квакерского движения и оставил о себе память как человек, содействовавший установлению мира. Ниже приводится отрывок из его «Сочинения о настоящем и будущем мире в Европе», опубликованном в 1693 году в Лондоне.

Итак, если бы суверенные правители Европы... в лице назначенных ими депутатов согласились о встрече на общем сословном собрании, в конгрессе или парламенте и установили там нормы справедливости суверенных правителей в отношениях друг к другу; если бы они согласились таким образом собираться ежегодно или по крайней мере не реже одного раза в два или три года, или когда они сочтут это необходимым; и если бы на рассмотрение такого суверенного собрания выносились все разногласия между тем или иным суверенным правителем, которые не могут урегулировать их личные эмиссары до начала заседаний собрания; и если какое-либо суверенное государство из числа этих объединенных государств откажется представить на рассмотрение собрания свои требования или претензии или откажется соблюдать и выполнять его решения, пытаясь добиться своего силой оружия, или затягивает сроки выполнения решений, установленные собранием, то все другие суверенные государства, выступая как единая сила, добьются повиновения и выполнения этим государством принятого решения. Точнее говоря, Европа тогда быстро обрела бы столь желанный и необходимый для ее измученных жителей мир; никакое суверенное государство в Европе не имело бы единовластной силы и потому не могло бы проявить желания оспорить общее решение; и тогда в Европе водворился и сохранялся бы мир.

Уильям Пенн

США ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦА 1832

Фото «Курьера ЮНЕСКО»

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ (1805—1859)

Французский государственный политический деятель и философ, посетив Соединенные Штаты в 1831—1832 годах, опубликовал по возвращении в Париж работу «О демократии в Америке». Ниже мы приводим отрывки из этого исследования:

На крайних границах конфедерации штатов, там, где человеческое общество сталкивается лицом к лицу с дикой природой, живут храбрые поселенцы, и лишь они нарушают тишину американских лесов. Как только первый человек ступает на землю, которой суждено впоследствии быть ему пристанищем, он первым делом валит деревья и строит себе бревенчатую хижину. И как тут не подумать о том, что эта жалкая лачуга — прибежище грубости и невежества? Однако неверно было бы сопоставлять первого поселенца и жилище, которое приютило его. Вокруг пришельца все первоначально и дико, он же носит городское платье и говорит тоже по-городскому; он знаком с прошлым, интересуется будущим и готов поспорить о настоящем; короче, это высокоцивилизованное существо, которое согласилось на какое-то время обосноваться в лесной глуши и которое отважилось проникнуть в дебри Нового Света, держа в руках Библию, топор и несколько газет. Трудно даже представить себе, с какой быстротой в этих пустынных местах работает мысль человека.

Америка — это одна из стран, где учение Декарта менее всего изучено, но лучше всего применяется на деле.

Для европейца должностное лицо — это олицетворение высшей силы; для американца оно — олицетворение права. Поэтому вполне правомерно, что в Америке правосудие ставит выше конкретной личности.

Влияние печати в Америке велико. Она приводит в движение политическую жизнь во всех уголках ее обширной территории. Она постоянно следит за ходом политической мысли в стране и выставляет лидеров всех партий на суд общественного мнения. Она привлекает внимание общества к определенным принципам и излагает политическую платформу каждой партии. Если ряд органов печати объединяются в проведении определенной кампании, то их влияние становится неодолимым. Общественное мнение, на которое постоянно оказывается нажим в одном и том же направлении, в результате уступает натиску. В Соединенных Штатах, хотя авторитет каждого отдельно взятого журнала сам по себе и невелик, периодическая печать в целом имеет большое значение.

Алексис де Токвиль

са музыканты Мариан Андерсон, Рудольф Серкин, Дюк Эллингтон, Биверли Силс, Билли Тейлор, Ван Клиберна, Исаак Стерн, Леонард Бернстайн и Ричард Роджерс; артисты балета Агнес де Милль, Эдвард Виллелла и Джудит Джеймисон, художники и скульпторы, например Джеймс Уайет и Дэвид Смит, такие писатели, как Джон Стейнбек, Юдора Уэлти и Ральф Эллисон.

Утвержденные лица, проекты или организации получают довольно скромную денежную помощь. Но эти небольшие федеральные стипендии зачастую помогали начинающему писателю или художнику закончить

произведение, которое приносило ему в будущем признание публики.

Они давали возможность некоммерческим театрам и оркестрам хоть как-то сводить концы с концами, несмотря на стремительно растущие цены. Благодаря этим пособиям 5000 школ в стране смогли привлечь на временную работу для занятий с учащимися профессиональных художников. Этнические группы могли осуществлять культурные мероприятия на местах. Кроме того, эти пособия дали возможность приглашать для выступлений в маленьких городах известные балетные и оперные труппы.

Подводя итог, можно сказать, что за десять лет своего существования Фонд помог многим американцам — как творческим работникам, так и их зрителям и слушателям — в большей степени приблизить 200-летнюю мечту о жизни, свободе и счастье благодаря культурным мероприятиям, поощряемым правительством, и деятельностью работников искусства. Жизнь идет своим чередом, а мы строим новые планы. Между тем жизнь миллионов людей в нашей стране обогащается новым содержанием, а работы американских деятелей искусства заслужили широкое международное признание. ■

Принцип несогласия в демократии важен, и его необходимо поощрять, провозгласил Томас Джефферсон, один из основоположников Декларации независимости. Этим принципом по-прежнему руководствуются в США, свидетельством тому — демонстрации за гражданские права черного населения в Вашингтоне в 1963 году (вверху) и в Монтгомери — столице Алабамы — в 1965 году (в центре). Справа (на стр. 45): молодые семьи с детьми вышли на улицы Нью-Йорка в поддержку мира.

Фото Б. Давидсон © Холмс-Лабел, Париж

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕНА

Уильям У. Дэвенпорт

Сейчас, когда исполняется 200 лет со времени завоевания независимости, американцы испытывают смешанные чувства торжественности, тоски по прошлому и угрызения совести.

Уже давно США следовало бы распространить основной принцип американской революции (все люди соз-

даны равными) на черное население и другие национальные меньшинства, особенно на индейцев, которых наши предки ограбили, лишили исконных прав.

Борьба за гражданские права черного населения продолжается. Вот ее главные вехи: в 1957 году была создана Национальная комиссия гражданских прав; в 1960 году Верховный суд США вынес решение об отмене расовой дискриминации в ресторанах; в том же году состоялся «Поход на Вашингтон», в нем приняло участие 250 тысяч человек — и черных и белых, — требовавших гарантии гражданских прав и полного равноправия рас, и, наконец, в 1972 году было создано общество «Народ о положении в стране», объединившее 12 групп борцов за гражданские права: от американских индейцев до видных общественных деятелей.

Год назад, 8 августа 1975 года, был пересмотрен закон об избирательном праве, и теперь право голоса получили дополнительно более миллиона американцев, говорящих на испанском языке, а также представителей других национальных меньшинств.

О некотором прогрессе в этом плане говорят и статистические данные: если в 1965 году в южных штатах было всего 72 представителя черного населения, избранных в законодательные органы муниципалитетов, штатов и государства, то сегодня их уже тысяча.

В США насчитывается сейчас около ста организаций борцов за гражданские права. Самая ранняя и влиятельная из них «Американский союз борьбы за гражданские свободы», созданный в 1920 году «для защиты прав человека, провозглашенных в Декларации и конституции». В настоящее время союз имеет 50 местных отделений в 46 штатах и объединяет 250 тысяч человек. Союз защищал в судах США (и даже в Верховном суде) самые различные дела: от права членом религиозных сект не салютовать национальному флагу до отмены запрета на издание и продажу романа Джойса «Улисс».

Сейчас эту организацию борцов за гражданские права волнует участь 400 тысяч индейцев — коренных жителей Америки. Экспроприация их земель, разрушение привычного ук-

УИЛЬЯМ У. ДЭВЕНПОРТ (США) — писатель, режиссер и преподаватель университета. Выступил директором Рейд-Холла, впоследствии одного из самых значительных американских университетских центров в Париже. Преподавал ранее в Гавайском университете. Автор многочисленных произведений и статей по искусству и культуре; многие работы посвящены путешествиям в разные страны мира. Среди его публикаций — «Сокровища искусства на Западе» (1966) и «200 лет франко-американской дружбы» (1975).

Абигайл Адамс о правах женщин

Фото «Курьера ЮНЕСКО»

В конце марта 1776 года, за три месяца до провозглашения Декларации независимости, Абигайл Адамс твердо и ясно сформулировала требования в отношении прав женщин в письме к своему мужу Джону Адамсу, одному из тех, кто подписал Декларацию независимости, а позднее стал вторым президентом Соединенных Штатов. «Между прочим, — писала она, — мне хотелось бы, чтобы вы помнили о женщинах и были бы к ним щедрее и доброжелательнее, чем те, кто жил до вас! Не наделяйте мужей столь неограниченной властью. Помните, все мужчины, если бы могли, были бы тиранами. Если женщинам не будет уделена особая забота и внимание, мы взбунтуемся и откажемся от законов, которые не предоставляют нам права голоса или представительства».

Достойным примечанием к этим решительным словам служит следующее замечание французского писателя Алексиса де Токвиля, посетившего Соединенные Штаты почти 150 лет назад (см. стр. 43): «Если бы меня спросили, чем прежде всего можно объяснить богатство и растущую силу американского народа, я бы ответил: высокими достоинствами американских женщин».

лада жизни были ярко описаны в вышедшей в 1970 году книге Ди Браун «Похороните мое сердце в Вундид-Ни». Эта книга, пользующаяся огромной популярностью — «Хижина дяди Тома» нашего времени, — заявила на всю Америку о существовании в США еще одной расовой несправедливости.

В 1973 году 200 членов Движения американских индейцев захватили Вундид-Ни, небольшое селение в Южной Дакоте, с целью свергнуть в резервации вождя индейского племени Ску. Белый дом направил туда представителей, чтобы обсудить на месте вопрос о компенсации за захваченные нашими предками земли и для тщательного расследования всех претензий индейцев.

В том же году под крупным заголовком пресса сообщила о том, что один из самых знаменитых актеров Америки Марлон Брандо отказался от премии Академии и гневно заклеил американскую кинопромышленность за то, что та «издевается над индейцами, унижает их». Усилия Брандо хотя бы в какой-то степени исправить зло, причиненное индейцам в прошлом, нашли полную поддержку со стороны молодых американцев, призванных теперь «искупить грехи отцов».

Мне бы хотелось сказать об этом молодом поколении, о наследниках американской революции и склонности американцев к самокритике на страницах этого журнала, поскольку все это является признаками нашего общества. (См. статью на стр. 9).

Я был связан с этим поколением

в течение шести бурных лет, с 1968 по 1974 год, когда являлся директором Рейд-Холла, ставшего впоследствии главным американским университетским центром в Париже. Мое общество в этот период с 5 тысячами студентов многому меня научило. Они страстно стремились к справедливости, миру, расовому равноправию, к защите гражданских прав. Это убедило меня в том, что в нашем народе еще живы революционные традиции. Гнев — вот что выражали голоса многих из этих молодых студентов, и в первую очередь их вожаков. Они негодовали, лично оскорбленные социальной несправедливостью, жестокостью и войной во Вьетнаме. Они протестовали и выражали свое несогласие. И тот, кто осуждал их, видимо, забыл слова Джефферсона, что право на свою точку зрения в демократическом обществе является чрезвычайно важным и поэтому необходимо

делать все, чтобы сохранять и укреплять его.

Именно в силу сохранившихся традиций американской революции протесты граждан, выступавших против этой непопулярной войны, смогли положить ей конец. Об этом еще раз свидетельствует и тот факт, что поднявшийся голос протеста граждане сместили президента, пытавшегося подорвать систему ограничения исполнительной власти путем контроля и балансирования.

Наше достояние — революционная традиция, свобода, которая так необходима всем американцам, здоровая привычка к самокритике, традиционная американская вера в прогресс и самосовершенствование, и самое главное — воля осуществить на практике гражданские свободы, воплощенные в Билле о правах. Некогда Америка дала обет — и она его стремится выполнять.

вом в век, когда составление памфлетов играло важную роль в политике. Однако главным оружием Свифта была рапира, острая как бритва и настолько отточенная, что поражала жертву, не причиняя поначалу никакой боли. Произведение Пейна лишено, однако, превосходной и тонкой иронии Свифта, равно как и научности и логики американских памфлетистов. Язык у Пейна резкий, разящий, злой и негодующий.

Подобный внутренний голос гнева раздавался и раньше в Англии, однако он имел иные, особые формы. В негодующей манере написаны некоторые произведения крайних левых вольнодумцев; она также характерна и для страстных разоблачений коррупции в Англии, с которыми выступали такие «предсказатели», как д-р Джон Браун. Его испепеляющая работа «Оценка манер и принципов нашего времени» произвела сенсацию в 1757 году.

Однако нагляднее всего не слово, а изображение: картины и гравюры Уильяма Хогарта. Мировоззрение его формировалось в том же убогом полу-мраке Лондона и его окрестностей,

в котором жил Пейн и в котором он столь безуспешно боролся. В памфлете Пейна сочетается и то и другое.

Те же негодование и возмущение, только в несколько приглушенных тонах, подспудно ощущаются и в движении за торжество американской революции. Они не являются принципиальной основой этой революции, но все же составляют важную ее часть, один из ее аспектов, который труднее всего поддается анализу. Отголоски такого негодования можно было услышать в суровой критике Джоном Адамсом ненавистного политического истеблишмента в Бостоне. Его можно было также услышать из уст священников Новой Англии, которые, не задумываясь, разоблачали процветающую в Англии коррупцию. Негодование ощущалось также и в недовольстве доселе уверенных в себе американцев, столкнувшихся с грубым высокомерием и неоправданной властью королевских чиновников, назначаемых в соответствии с системой, совершенно чуждой Америке и никоим образом не отражавшей реального положения вещей в американском обществе.

«Здравый смысл» выражает все эти настроения в еще более резкой форме.

Памфлет заставил разгореться ярким пламенем то негодование, которое годами тлело в сердцах американцев, противившихся Англии, и вскрыв смутно ощущавшееся, но никогда прежде открыто не выраженное американцами недоверие ко всему европейскому миру: он вселил надежду на более совершенный, свободный и открытый мир, независимый от Англии. Никто до этого свободно не выражал этих надежд.

«Здравый смысл» не вызвал движения за формальное провозглашение независимости, и не он породил решимость людей, возглавлявших американскую революцию, построить лучший мир, как никогда ранее отвечавший устремлениям человека. Однако памфлет способствовал и тому и другому; написанный удивительно живым и свободным языком, он выражает гнев, порожденный чувством негодования, отчаяния, обиды и страха, — гнев, который является побудительной силой в любом революционном преобразовании.

ТОМАС ПЕЙН И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ США (ПРОДОЛЖЕНИЕ СО СТР. 30)

В Лондоне Пейн много потрудился для того, чтобы познакомить англичан с жизнью Америки, но истинной его целью было добиться реформы британской конституции и всеобщих выборов. В своем памфлете «Взгляд с Рубикона» он вновь изложил свое кредо: «...прежде всего я защищаю дело человечества».

Произошла Французская революция (Пейн усматривал в ней влияние американской революции), и он решил, что настал момент, когда может осуществиться его мечта о «республике мира».

Он изложил свою точку зрения на этот счет в самом значительном из его трудов — в «Правах человека». «Дело французского народа, — говорил он, — это дело всей Европы и даже всего мира».

Во время своих поездок во Францию Пейн вошел в контакт с вождями революции, а после бегства Людовика XVI он опубликовал первый республиканский манифест.

В 1792 году в связи с появлением 2-й части «Права человека» Пейн подвергся преследованиям в Англии за крамолу. Его приговорили к изгнанию, портреты бунтаря сожгли, а брожение умов, вызванное его произведениями, беспощадно подавлялось правительством Георга III.

Национальное собрание Франции предоставило Пейну французское гражданство, а четыре департамента выдвинули его кандидатуру на выборах в Конвент. Изгнанник, принятый во Францию с таким триумфом, дал согласие представлять департамент Калэ и заседал среди депутатов Болота.

Он принимал участие в работе комитета, которому было поручено разработать новую конституцию, но одновременно он делал все от него

зависящее, чтобы спасти Людовика XVI. Он мужественно голосовал против смерти «тирана», и это навлекло на него гнев Горы, левого крыла Конвента, сторонников Робеспьера.

Террор развеял надежды, которые Пейн возлагал на «суверенную республику». Его арест (как считают, по указанию Робеспьера) в действительности явился следствием заговора, в котором вместе с другими врагами Пейна был замешан посол Соединенных Штатов во Франции губернатор Моррис, аристократ и англофил.

Декретом, изданным от имени Робеспьера, Пейн был лишен французского гражданства и парламентской неприкосновенности, а по прошествии трех дней, 28 декабря 1793 года, он был брошен в тюрьму как английский подданный. В это время он готовил к публикации первую часть «Века разума».

Напрасно Пейн ссылался на то, что он гражданин Америки. Губернатор Моррис, на помощь которого он рассчитывал, постарался предотвратить вмешательство Соединенных Штатов. Ни петиция американцев, проживавших в то время в Париже, ни попытки его друзей вернуть ему свободу на увенчались успехом.

Посаженный в тюрьму в разгар террора, Пейн проводил на гильотину многих представителей народа. Сам он едва избежал их участи. И лишь три месяца спустя после падения Робеспьера, 9 термидора (27 июля 1794 года), после 18-месячного заключения, больного Пейна вызволил из тюрьмы уже преемник Морриса Джеймс Моно. Конвент вернул Пейну французское гражданство и депутатский мандат.

Несмотря на плохое самочувствие, Пейн снова взялся за перо и вскоре опубликовал задуманную им в тюрьме вторую часть «Века разума», где

он подвергает критике Библию. В других своих произведениях этих лет он пишет также о Французской революции.

Состарившийся и разуверившийся в своих надеждах, в конце 1802 года Пейн снова возвращается в Америку. Он был радушно принят президентом Джефферсоном. Однако враги Пейна во главе с губернатором Моррисом вновь объединились против него, пытаясь лишить его права голоса. Опубликование в Соединенных Штатах «Века разума» навлекло на него новые гонения. Церковь метала громы и молнии против этого «вольнодумца и нечестивца». Пейн стойко перенес все нападки и оскорбления.

Несмотря ни на что, Соединенные Штаты так и оставались для него страной обетованной, страной свободы. Единственным мрачным пятном в этой стране была «гнусная торговля черными рабами», против которой он снова повел борьбу, опубликовав еще несколько памфлетов.

Последние годы своей жизни Пейн провел на ферме в Нью-Рошелле (дар штата Нью-Йорк). Назначенная государством пенсия предоставила ему возможность безбедного существования.

Томас Пейн скончался утром 8 июня 1809 года в Нью-Йорке в возрасте семидесяти двух лет. Квакеры, считавшие Пейна ренегатом, отказались хоронить умершего на своем кладбище, как он того желал. Пейн был погребен на своей ферме в Нью-Рошелле. Через 10 лет англичане потребовали перевезти его останки на родину, но место захоронения его так и осталось неизвестным.

Никто не знает теперь, где могила Томаса Пейна, но память об этом добром, отважном и искреннем человеке, так любившем людей и свободу, не померкнет в веках.

В Научном совете Академии наук СССР по экономическим и идеологическим проблемам США состоялась научно-теоретическая конференция на тему «200 лет американской революции. История и современность»

Выдержка из вступительного слова Г. А. Арбатова, академика, директора Института США и Канады АН СССР, председателя Научного совета

С о времени победы освободительной революции Соединенные Штаты прошли сложный и противоречивый путь. Если сравнить его начало и конец, мы увидим разительные перемены. Из заброшенных аграрных колоний «цивилизованной» Европы США превратились в самое мощное в экономическом отношении государство Запада. И в то же время из страны, поднявшей в конце XVIII в. факел освободительной борьбы, в свое время бывшей как бы символом свободы, они стали оплотом реакционных режимов, символом угнетения и эксплуатации других народов.

Но как бы очевидны ни были эти веки, не хотелось бы сводить двухвековую историю большой страны, великого народа к такой простой констатации. Она, эта история, действительно сложна и противоречива, в ней немало как бесславных, так и заслуживающих уважения страниц.

Реакционные тенденции, заложенные в самом капитализме, в буржуазном строе вообще, а в американском капитализме в особенности, усиливались на протяжении 200 лет, обрели преобладающий характер, в частности в эпоху империализма. Мало того, в американской истории, пожалуй, есть немало специфически отталкивающего: культ силы в сочетании с фарисейским лицемерным морализированием; культ денег; особенно обнаженный, воинствующий индивидуализм и т. п. Нельзя забыть о позорных страницах американской истории — истреблении индейцев, рабстве негров, империалистических войнах. Трудно не помнить о роли США в контрреволюционной интервенции в нашей стране, о маккартизме, об угрозах периода «холодной войны».

Но есть в американской истории и другие эпизоды, и их тоже нельзя предавать забвению.

Речь идет не только об общеизвестных достижениях в экономике, технике и науке. Нам близки такие страницы истории США, как гражданская война, борьба лучших людей Америки против позора рабства.

В американской истории не умирала тенденция, которая взяла начало от Пейна и Джефферсона, была подхвачена Линкольном, а затем лучшими представителями рабочего движения. Мы были союзниками в годы войны против коричневой чумы фашизма. Советским людям дороги лучшие произведения американской культуры. Мы чтим и историю американского рабочего движения: рожденная им дата — Первое мая — отмечается в Советском Союзе как общенародный праздник. Эти традиции выражаются наиболее последовательным образом Коммунистической партией США. Имеют они и многих других поборников в лице прогрессивно настроенных американцев.

Сложность отношения советских людей к истории США проистекает не только из того, что на протяжении столетий сама Америка по-разному относилась к нашей стране; это, естественно, вызывает в нашей национальной памяти противоречивые воспоминания. Наверное, дело еще и в очень важной объективной особенности исторического пути Соединенных Штатов: их история в течение двух веков была историей борьбы двух социальных и политических тенденций — демократической и реакционной.

Борьба эта началась в дни американской революции. И при том, что реакционные тенденции в политической жизни США в целом усиливались, особенно на протяжении XX в., эта борьба никогда не прекращалась. Демократические идеалы и устремления лучших представителей американского народа продолжают жить и находить приверженцев в каждом новом поколении.

Москва и Вашингтон далеки друг от друга географически. Еще большее расстояние отделяет СССР и США в социальном и идеологическом отношении. СССР и США олицетворяют как бы два противоположных политических полюса современного мира — социализм и капитализм. И тем не менее есть вещи, которые связывают обе эти державы. Я имею в виду не столько тот очевидный факт, что речь

идет о самых крупных и могущественных государствах современности, сколько вытекающую из него особую ответственность за предотвращение ядерной катастрофы, сохранение мира, а тем самым и условий для нормального существования и развития не только советского и американского народов, но и всего человечества.

Чтобы быть на уровне этой ответственности, СССР и США, естественно, должны надлежащим образом строить и свои собственные отношения, строить их на основе принципов мирного сосуществования, ибо другой приемлемой альтернативы в ядерный век нет и быть не может.

Последние годы принесли в этом плане много позитивного. Были совершены крупные шаги от «холодной войны» и конфронтации к отношениям разрядки и взаимовыгодного сотрудничества. В докладе Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС подчеркивалось, что этот поворот к лучшему в наших отношениях с Соединенными Штатами Америки имеет решающее значение для ослабления угрозы новой мировой войны и для укрепления мира.

Все мы знаем, что вокруг позитивных сдвигов в советско-американских отношениях, как и вокруг разрядки в целом, не прекращается острая борьба. Она идет прежде всего в самих США. И этим в немалой мере определяется идейно-политическая обстановка, в которой проходит празднование 200-летия революции. Тем более, что юбилей приходится, так сказать, на кульминационный период избирательной кампании, разворачивающейся в условиях, необычно сложных даже для США.

Говоря об истории США, мы не можем не смотреть и вперед, в будущее. Очень многое зависит от развития событий в самой Америке. И не только для США, но и для международных отношений, включая решение главного вопроса современности — вопроса войны и мира. Именно поэтому были так важны сдвиги, которые намечались в политике США на рубеже 60—70-х годов под влиянием

как внутренних, так и международных событий (прежде всего изменения в соотношении сил на мировой арене). Многие из этих изменений носят долговременный характер. Вместе с тем мы видим и новые повороты в развитии событий, которые требуют тщательного изучения.

Все эти особенности объективной ситуации привлекают должное внимание советских американистов. Перед нами, как и перед другими отрядами наших обществоведов, встают новые ответственные задачи, вытекающие из решений, из всей работы XXV съезда КПСС.

Задачи эти многообразны и заслуживают особого обсуждения. Сейчас я хотел бы лишь подчеркнуть значительные исследования, связанных с дальнейшим развитием советско-американских отношений. Наша партия придает им большое значение. XXV съезд партии выразил намерение и твердую волю проводить курс на дальнейшее улучшение советско-американских отношений в соответствии с духом и буквой достигнутых ранее соглашений.

«У наших отношений с США, — говорится в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС, — хорошая

перспектива и на будущее — в той мере, в какой они будут и впредь развиваться на этой совместно созданной реалистической основе, когда при очевидном различии классовой природы обоих государств и их идеологии есть твердое намерение разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружием, а мирными политическими средствами».

Политика мира и разрядки пользуется полной поддержкой партии, всего советского народа. И мы глубоко верим, что именно за такой политикой будущее.

Выступление Р. Г. Богданова, доктора исторических наук, заместителя директора института США и Канады АН СССР

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

19 апреля 1775 г. у небольшого города Лексингтона отряды местных колонистов впервые вступили в бой с английскими войсками. Этот бой закончился поражением англичан. Так началась американская революционная война, которая в конечном итоге привела к рождению независимого государства — Соединенных Штатов Америки. Последствия этой войны вышли далеко за пределы Американского континента и привлекли внимание многих мыслителей и историков прошлого. Не меньший интерес война за независимость США вызывает и в наши дни.

Наиболее точную и всестороннюю оценку характера событий того времени, их значимости в историческом процессе дала марксистская мысль. Историческое значение американской революции, по оценке К. Маркса, в том, что «...возникла впервые идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века...»¹. Большое значение имела Декларация независимости, впитавшая в себя идеи английской революции и французских энциклопедистов и смело возвестившая «естественное право народа на революцию». Эта Декларация провозгласила также равноправие всех людей и право народов на национальное самоопределение.

Вместе с тем К. Маркс отмечал свойственную всем буржуазным революциям историческую ограниченность войны за независимость, которая «положила начало эре господства буржуазии»². В конечном итоге революция оказалась неспособной последовательно провести в жизнь демократические принципы. И речь здесь идет не только о том, что она не отменила рабства (война за независимость привела к освобождению нескольких тысяч рабов, к упразднению

рабского труда на севере США и способствовала принятию мер к запрещению международной работорговли; тем не менее была сохранена в неприкосновенности система рабства в южных штатах). «Билль о правах», фиксировавший формальные буржуазно-демократические свободы, был принят в виде поправок к конституции после ожесточенной борьбы, которая велась на протяжении ряда лет. А многие из этих прав и свобод были законодательно оформлены еще позже.

Говоря о равноправии всех людей, большинство лидеров революции, по сути дела, имели в виду американцев с белым цветом кожи, но не рабов и не индейцев.

Как пишет известный историк США Г. Коммаджер в юбилейном номере журнала «Сатердей ревю», отцам-основателям Соединенных Штатов удалось реализовать великий принцип естественного равенства людей с большей полнотой, чем в любом современном им западном обществе; однако их ждало трагическое фиаско, когда они вознамерились распространить действие этого принципа и на черное население Америки. Нельзя без грусти думать о том, что их наследники смогли приблизиться к решению этой проблемы лишь век спустя, да и то прибегнув к насилию, и что потребовалось еще столетие, чтобы подготовить американцев к распространению даже формального равенства на черное население страны»³. Ограниченность революции сказалась также и в том, что, хотя она и способствовала утверждению некоторых прав женщин, формула равноправия, по сути дела, к ним не относилась.

Основная причина ограниченности результатов американской революции состояла в том, что ее лидеры, составившие Декларацию независимости, представляли классы, обладавшие собственностью на средства производства, и прежде всего заинтересованные

в свободном развитии капиталистического предпринимательства. Именно это обстоятельство обусловило узость и ограниченность толкования ими понятий «демократия», «свобода», «равенство». «Демократия» понималась ими как республиканская форма государственного устройства. «Свобода» — как освобождение от феодально-иерархических и колониально-дискриминационных порядков, свобода предпринимательской инициативы, свобода распоряжаться имуществом. «Равенство» — как политическое равноправие и формальное равенство перед законом. Выступая против феодального произвола и колониального грабежа, новое государство заявляло, что гарантирует личность от узурпаторских посягательств на ее собственность, на ее право проявлять свои способности, свое «стремление к счастью».

Хотя в Декларации независимости при изложении основных прав человека традиционная для тогдашней европейской, и прежде всего английской, буржуазной мысли формула «право на собственность» (идущая от Джона Локка) была заменена по инициативе Джефферсона формулой «право на счастье», все же составители основных документов американской революции считали синонимом понятия «счастье» богатство. Они полагали, что равенство людей перед законом создает и гарантирует равные возможности для каждого члена общества к достижению богатства, что практическая реализация этих возможностей отныне зависит лишь от личных способностей человека, его воли, энергии. Конечно, эти декларации и идеи прикрывали развитие капитализма и классовое неравенство. Само провозглашение равенства людей перед законом оказалось началом и стимулятором классовой дифференциации капиталистического общества. Те классы и группы, которые располагали богатством, использовали новые, введенные революцией правовые нормы и порядки в своих частных интересах. Таким образом, все более четко выявлялось неравенство социального положения людей, нера-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 18.

³ H. S. Commager. The Revolution as a world ideal. «Saturday Review», Dec. 18, 1976, p. 16.

венство отношений собственности и исходящих от них привилегий, а значит и фактическое неравенство возможностей.

Надо сказать, что и некоторые реалистически мыслящие американские историки сегодня критически переоценивают миф «равных возможностей для всех» Америки как страны надежды, в которой любой бедняк-иммигрант мог стать богачом. Дело в том, что иммиграция в США поощрялась лишь как источник дешевой рабочей силы, причем явное предпочтение отдавалось квалифицированным рабочим — выходцам из Европы, тогда как въезд в страну иммигрантов из Азии и Африки жестко лимитировался на протяжении всей истории США¹.

Защищая юридическое равенство индивидов в их праве на приобретение и владение частной собственностью, революция на деле расчищала путь для фактического углубления классовых противоречий, создавала благоприятные условия для действия законов капиталистического накопления, когда рост крупных состояний сопровождается разорением мелких собственников.

Но если принять во внимание исторические условия того времени, порядки, господствовавшие в мире, то нельзя не признать, что Декларация независимости, ее формулировки и идеи, хотя и носившие ограниченный и буржуазный характер, были проявлением поступательного движения. Сформулированные в Декларации независимости концепции спустя многие годы в других общественных условиях наполнялись новым, более глубоким смыслом, особенно в части, касавшейся великой идеи подлинного равенства людей. В этих идеях еще многие десятилетия прогрессивные деятели Америки видели опору, стремились использовать их в борьбе за более глубокие социальные преобразования. Они были направлены против феодализма, против системы открытого грабежа и открытого политического произвола, прочно тогда укорененной во многих частях и районах мира. Кроме того, формулы, провозглашавшие «демократию», «свободу» и «равенство», по мере того как обнаруживалось обострение классового, имущественного неравенства, по мере углубления разрыва между Декларацией независимости и существующей реальностью, оказывались также и стимулом для дальнейшего поступательного развития идей равенства, — равенства подлинного, означавшего уже ликвидацию объективного различия между классами, обладающими собственностью на средства производства, и классами, лишенными собственности и привилегий, классами эксплуатируемыми.

Революционные события, ознаменовавшие образование Соединенных Штатов Америки, возникли на базе взаимодействия и диалектического взаимопереплетения трех основных факторов. К ним относятся, во-первых, противоречия между колониальной властью — властью колонизаторов — и колонистами-американцами. Во-вторых, углублявшаяся в ходе капиталистического развития классовая дифференциация, на осно-

ве которой шло обострение противоречий внутри колоний между верхушками общества и массами, приводившими к политически взрывоопасным ситуациям. В-третьих, возникновение самобытного национального сознания, развивавшегося на протяжении жизни нескольких поколений чувства разницы между «американцем» и англичанином, иными словами, процесс формирования новой нации.

Именно эти особенности революции привлекали пристальное внимание В. И. Ленина. Основываясь на них, он определил ее как войну американского народа «против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку...»². В словах Ленина вскрыт революционный характер войны за независимость 1775—1783 гг., она со всей определенностью рассматривалась им как национально-освободительная война, как продолжение национально-освободительной политики колоний.

Американская революция была проявлением силы народа, демонстрацией воли большинства населения. «Патриоты» действительно могут быть названы народной партией, ее большинство составляли люди малого достатка и скромного общественного положения. Те, кого принято называть «тори» — приверженцы короны, — олицетворяли собой политический консерватизм; они были против перемен режима, ибо служба старому режиму давала им высокий статус и богатство. Война за независимость была одновременно восстанием простого народа против аристократии и владычества Англии. Хотя точных данных не имеется, но все свидетельствует о том, что по крайней мере 70% населения активно и сознательно поддерживало революционную борьбу³.

Именно в ходе американской революции впервые в истории возникли значительные по размаху партизанские движения, возглавляемые Ф. Мэрионом, Т. Самтером и др. Народная патриотическая война была отмечена широким использованием партизанских методов борьбы. Республиканская армия взяла на вооружение способы, тактику и методы военных действий, позаимствованные у индейцев — маскировка за деревьями и валунами, личная инициатива, предприимчивость солдат и командиров. Армии Вашингтона и Грина обычно вступали в непродолжительные стычки с противником, а затем уходили от боевого соприкосновения с англичанами. Зачастую солдаты Вашингтона и Грина, воодушевленные справедливыми идеалами войны, совершали, казалось, «невозможное», форсируя водные преграды у Трентона или штурмуя горные рубежи у Стоки-Пойнта. Продвижение англичан во внутренние районы страны осложнялось не только возрастающими трудностями снабжения, но и активно проявлявшейся враждебностью населения.

В современной истории национально-освободительная война американских колонистов была первым успешным восстанием, сокрушившим колониальное господство крупнейшей

военной и морской державы того времени. Было покончено и со многими феодальными порядками, насаждавшимися в Новом Свете Англией. Так, была ликвидирована личная кабала по договору или письменному контракту. Революция привела к отделению церкви от государства, несколько демократизировала систему образования. Была установлена республиканская форма правления во всех восставших колониях и в федеральной администрации, сокрушена старая и создана совершенно новая государственная машина.

В конституции была закреплена республиканская форма государственного устройства в масштабах всей страны и в каждом из штатов. На практике это означало, что все возможные попытки изменить республиканский строй, а также осуществить раздел страны, отделение каких-либо штатов стали расцениваться как государственная измена. Когда в преддверии гражданской войны южные рабовладельческие штаты объявили о своем выходе из состава Федерации, это послужило обоснованием выступления против них федерального правительства. Все это было естественно для республики, одержавшей победу в вооруженной борьбе и защищающей свои устои.

Ряд деятелей революции XVIII в. стремились к большему. Массовые организации выступали с требованиями более широких гарантий политических прав народу, ограничения возможностей наживы, более совершенного развития системы образования. Свободная часть черного населения требовала в петициях покончить с рабством.

Однако представители имущих классов по-своему понимали цели революции и прежде всего стремились сохранить свое привилегированное положение. Для них «свобода» означала экономическую систему, при которой они процветали. Задачу новой власти они видели в том, чтобы, с одной стороны, сокрушить монархию, а с другой — обуздать «свиньячье стадо», под которым они подразумевали народные массы. «Народ, — провозглашал Роджер Шерман, — должен как можно меньше заниматься делами правительства»⁴. Но именно революционная энергия народных масс привела войну за независимость к победе, сделала возможным и реальным все самое прогрессивное, передовое, достигнутое в результате крушения английского колониального господства.

Значительным было и международное влияние американской революции. Хотя она сама вызрела под воздействием передовых буржуазных демократических движений и идей в Европе, она дала толчок последовавшей затем революции в Европе. Движение протеста в колониях было частью общего движения против порядков, существовавших в Англии и ее владениях. Население Канады отказалось выступить против американской революции. Революционные бои в Ирландии заставили Георга III использовать часть своих лучших войск не против жителей Бостона, а в Дублине. На волне революционного движения в Европе, нара-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48.

² «Проблемы мира и социализма», № 7, 1975, стр. 77.

⁴ M. Parenti. Democracy for the Few. N. Y., 1974, p. 44.

¹ E. F. Goldman. The Century of the American Dream. «Saturday Review», Dec. 13, 1976.

ставшего накануне Французской буржуазной революции, изъявили готовность служить делу борьбы за независимость Соединенных Штатов добровольцы из Франции, Германии, Польши, Венгрии и других стран.

В США начало официальных торжеств, посвященных празднованию 200-летия американской революции, было объявлено президентом Дж. Фордом 24 февраля 1975 г.

В преддверии 200-летней годовщины США Дж. Форд призывает американский народ к отказу от эгоистических интересов, национальной консолидации и «возврату к традиционным американским добродетелям»¹.

В целом официальная риторика по поводу юбилея, в частности многочисленные меморандумы управления Дж. Уорнера, отличается чисто организационно-пропагандистским подходом. Идеологической основой этой официальной программы является стремление правительства США истолковать высказывания отцов—основателей американского государства и руководителей войны за независимость Америки в таком духе, чтобы сдержать с их помощью растущее разочарование народа общественно-политической системой страны, институтами буржуазной двухпартийной демократии и в результате добиться у населения поддержки глобальных целей государственно-монополистического капитализма США. Характерно при этом, что военное присутствие США в других странах, в действительности охраняющее американские капиталовложения за рубежом и отражающее агрессивные устремления военно-промышленного комплекса США, оправдывается мнимыми целями обороны Америки и «защиты свободного мира». В свете этих задач события американской революции 1775—1783 гг. в официальной предпраздничной риторике изображаются в идиллическом и явно упрощенном свете. В то же время заметно стремление как можно более завесить международное значение американской революции для нашего времени.

Однако официальная пропагандистская кампания не вызвала ожидаемого интереса у широких масс населения. По данным Института общественного мнения Галлапа, 3 из 10 американцев вообще не знали, какое событие произошло в 1776 г. в Америке.

Подготовка к празднованию 200-летия Соединенных Штатов стала ареной столкновения различных, порой противоположных идеологических и идейно-мировоззренческих позиций. Характерно, что при этом развернувшаяся дискуссия затрагивает не только и не столько ту или иную интерпретацию событий 200-летней давности, сколько истолкование этих событий с точки зрения современной американской действительности. Можно констатировать, что, по существу, в выявившихся оценках американской революции сегодня проявляется борьба прогрессивных и демократических сил в американском обществе и сил реакции и империализма.

Правоконсервативные апологеты «американского образа жизни», как, например, известный историк Д. Бурстин, выдвигают сегодня точку зрения, согласно которой война за независимость Америки вообще не была революцией, а если и была таковой, то носила консервативный характер. При этом те же авторы считают американскую («консервативную») революцию и созданный в результате общественно-политический результат вершиной исторических достижений человечества, идеальной моделью для всех времен и народов. Социально-классовая подоплека этой точки зрения не оставляет никаких сомнений: она пытается противопоставить идеализированную «американскую модель» революции научной марксистской теории революции и при этом не останавливается даже перед тем, чтобы вносить своего рода «поправки» в историческую правду. Эта идейная позиция приводит к умалению классовой дифференциации и классовой борьбы в Америке того времени, к умалению значения существования рабского труда, ограбления и избиения индейского населения и т. д.

Консервативные идеологи, принявшие участие в предъюбилейной дискуссии, выступают с апологетикой не столько по адресу современной американской действительности (серьезные экономические затруднения, непомерный военный бюджет, кризисные явления в функционировании американской политической системы, внешнеполитические трудности сегодня очевидны), сколько по адресу идеализированного образа американской демократии. При этом они преследуют цель отвести внимание широкой общественности от проблем общего кризиса современной буржуазно-демократической системы путем восхваления ее «идеальной модели», якобы созданной 200 лет назад.

Не только такие восторженные апологеты американской общественно-политической системы, как Б. Уоттенберг², но и ряд буржуазных авторов, причислявших себя в прошлом к либеральному направлению, а сейчас прозванных «неоконсерваторами» (Д. Белл, С. Хантингтон, М. Даймонд, Р. Низбет и др.), ополчаются сегодня против всех тех, кто выступает с критикой американской буржуазной демократии. Характерна в этом плане точка зрения С. Хантингтона, который в недавнем интервью журналу «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт» на вопрос, почему, по его мнению, сегодня в американском обществе так распространены пессимистический взгляд на сущность политической системы страны, ответил: «Это отражает, на мой взгляд, тот факт, что демократический процесс в нашей стране функционирует очень хорошо — быть может, даже слишком хорошо — в определенных отношениях»³.

Сторонники апологетической позиции утверждают, что все негативные явления в американском обществе происходят лишь из того, что целые социальные группы избрали ныне путь «эгоизма», удовлетворения своих частных интересов в ущерб общенациональным целям и предъявляют завышенные требования к государству и правительству. Эти авторы не

останавливаются в своих работах перед противопоставлением Декларации независимости конституции США. В демократических принципах, провозглашенных Декларацией независимости, они нередко видят сегодня проповедь «эгалитаризма» и «чрезмерный» демократизм, способный привести, как это случилось в 60-х годах, к социальным волнениям и движению протеста. Фактически же эта идейная позиция противостоит росту общедемократической активности широких социальных слоев американского общества, с особой силой проявившейся в 60-х — начале 70-х годов.

По мнению таких авторов, формулировки Декларации независимости дают основания к их различению и абсолютизации некоторых из них, в частности тезиса о равенстве всех людей и их «праве на счастье». Так, М. Даймонд протестует против «абсолютизации одного-единственного принципа — принципа равенства — и одновременно абсолютизации демократической формы государственного устройства как средства осуществления этого равенства»⁴. Он же подчеркивает, что в Декларации независимости, как он полагает, идет речь не о «равенстве» как таковом, но лишь о «равной политической свободе для всех». Тем самым обнаруживается стремление любыми средствами ограничить буржуазно-демократический идеал равенства формальным равенством людей перед законом, утвердить абстрактный идеал «равенства возможностей». Тот факт, что действительное равенство возможностей в современном американском обществе фактически отсутствует, приводит ко все более резкой критике этого принципа в его формально-юридическом толковании и требованиям заменить его лозунгом «равенства результатов». В этом пункте происходит острое столкновение противоположных точек зрения. «Доведение требования равенства результатов до своего логического конца означало бы полный крах американской мечты»⁵, — пишет Г. Грюнуолд.

Характерной особенностью позиции апологетов «американского образа жизни» является их критика «эгалитаристского» (С. Хантингтон) или «гедонистского» (Д. Белл) принципа Декларации независимости о праве всех людей на счастье. Взамен ему они выдвигают ригоризм и самоограничение, к которым, как они полагают, призывает конституция США, и требуют умеренности в ожиданиях улучшения уровня и качества жизни, а также консолидации нации вокруг «сильного правительства». Как пишет С. Хантингтон, «многие из проблем, перед которыми сегодня стоит американское правительство, происходят из «излишков демократии»... Что требуется, так это большая умеренность в демократизме»⁶.

В кампании по подготовке к празднованию 200-летия США и развернувшейся в связи с этим на страницах американской прессы идейной

¹ M. Diamond. The Declaration and Constitution; Liberty, Democracy and the Founders. «The Public Interest». Fall 1975, p. 55.

² H. Grunwald. The Morning after the Fourth «Time», July 14, 1975, p. 21.

³ S. Huntington. The Democratic Dilemma. «The Public Interest», Fall 1975, p. 36.

⁴ B. S. Wattenberg. The Real America, N. Y., 1974.

⁵ U. S. News and World Report, March 8, 1976, p. 50.

⁶ «The New York Times», April 19, 1975.

дискуссии точке зрения правых апологетов американской общественно-политической системы противостоят взгляды авторов, выступающих с общедемократических позиций и представляющих различные направления социальной критики. Несмотря на различие их точек зрения, все эти авторы едины в констатации кризиса американской демократической системы в целом. Так, С. Аронс пишет об «эрозии» американского демократического идеала и распространении в сознании американцев «полицейской логики» вместо уверенности в гарантированных гражданских свободах. Б. Барбер критикует невнимательность американского общества к процессам концентрации и коррупции власти и игнорированию демократических идеалов прошлого².

В своей критике американской общественно-политической системы эти авторы стремятся опереться на общедемократические принципы, провозглашенные американской революцией и зафиксированные в Декларации независимости. При этом опять-таки все ссылки на американское прошлое, все оценки американской революции фактически имеют в виду интерпретацию в свете современной действительности. Своего рода водоразделом для оценок как той, так и другой стороны оказывается отношение к массовому движению протеста 60-х годов. Если апологеты сегодняшней действительности истолковывают его как «эгалитаристское» извращение заветов отцов-основателей, то ее критики видят в нем попытку возрождения демократических идеалов американской революции.

Близка к такой точке зрения, в частности, позиция Дж. Макговерна. Он предлагает модернизировать и дополнить Декларацию независимости рядом принципов, уточняющих ее содержание, новой «Декларацией здравого смысла», которая будет включать: во-первых, отказ от военного вмешательства в дела иностранных государств; во-вторых, признание взаимовыгодного международного экономического сотрудничества между странами мира независимо от их политических систем; в-третьих, установление в стране более справедливой системы капиталовложений и налогов, а также ряда частных реформ в экономических отношениях³. Сходные цели преследует также и созданная Дж. Рокфеллером III юбилейная организация, призывающая ко «второй американской революции»,

призванной решить проблемы городов, экономических трудностей, защиты окружающей среды, гарантированных гражданских прав населения и пр.

Все большее число сторонников приобретает среди американцев Народная комиссия по празднованию 200-летия, выступающая с резкой критикой правительственной программы торжеств и заявляющая, что это не программа народа, а программа консерваторов, тори. Руководители Народной комиссии, многие из которых были связаны с движением протеста 60-х годов, утверждают, что празднование 200-летнего юбилея должно укрепить и усилить верность американского народа демократическим принципам и целям Декларации независимости. «Нашему народу необходимо посвятить себя тем революционным принципам, основы которых были заложены 200 лет назад... — заявляет, например, Дж. Рифкин. — Празднование 200-летия, к которому мы стремимся, равнозначно созданию в нашей стране новой общественной силы, поднимающей флаг, с которым Сэм Адамс и Патрик Генри шли в бой два века назад; это движение, которое бросит вызов незаконной концентрации финансовой и политической власти и восстановит достоинство отдельной личности»⁴.

Широкие слои американского населения сегодня уже не поддерживают популярные в прошлом шовинистические идеалы «американской исключительности» и «американской миссии». Полученные недавно результаты опроса Харриса свидетельствуют об изменении ценностных установок в США в середине 70-х годов. Судя по результатам опроса, если в прошлом в глазах американцев национальному величию страны способствовали главным образом богатые природные ресурсы, трудолюбие народа и военная мощь, то в будущем факторами, способствующими величию страны, станут гарантированная гражданская свобода, уважение прав людей иных убеждений, умение сосуществовать с другими странами.

Помимо двух противоположных идейных позиций, в кампании по подготовке к 200-летию США выявились и нигилистические взгляды на содержание американской революции 1776 г., высказываемые как «справа», так и «слева». При этом позиция ультраправых выражена, пожалуй, не столь резко, как позиция ультралевых. Ультраконсервативный автор М. Эванс утверждает, что либерализм, который был политическим идеалом американской революции, привел Соединенные Штаты на грань нацио-

нальной катастрофы и что сегодня он уже не может считаться удовлетворительной политической философией для Америки⁵.

Что касается ультралевых, то они вообще отвергают историческое значение принципов буржуазной демократии, утвержденных революцией 1776 г., и высказывают нигилистические оценки смысла американской революции, квалифицируя ее как «нелепый фарс».

Корни нигилизма в отношении демократического наследия американской революции ясны: его истоки — в последующей истории американского общества. Но взгляды ультралевых справедливо осуждаются прогрессивными кругами, которые не хотят отдавать демократические традиции американской революции реакционной буржуазии. «Мы, — заявляют американские коммунисты, — гордимся демократическим и революционным наследием нашей страны, сложившимся в ходе борьбы нашего народа»⁶.

В США бытуют самые различные точки зрения на современную общественно-политическую систему страны. Демократическая общественность Соединенных Штатов, Коммунистическая партия США справедливо рассматривают американскую революцию как революцию, имевшую большое значение. Она явилась колыбелью буржуазных свобод, которые, однако, как предвидели Маркс и Энгельс, оказались извращенными в ходе развития Соединенных Штатов. В крупнейшей державе капиталистического мира декларированные идеалы буржуазной демократии переродились в кризис буржуазной демократии. Широким кругам американской общественности приходится вести нелегкую борьбу за осуществление многих демократических прав и свобод, записанных в конституции США и Декларации независимости два века назад.

Революционные традиции американского народа приняты на вооружение передовыми и прогрессивными силами, которые действуют в общественно-политическом движении за океаном. Нисколько не умаляя значения празднования 200-летия победы революции, эти силы отдают себе отчет в том, что подлинное решение социальных, национальных, экономических и иных проблем, порожденных капитализмом, оказалось возможным лишь в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ S. Arons. The Rise of Police Logic. «Saturday Review», April 5, 1975, p. 12.

² «What Kind of Future for America?». «U. S. News and World Report», July 7, 1975, p. 46.

³ G. McGovern. Declaration of Common Sense. «Nation». July 19, 1975, p. 38—39.

⁴ «Growing Controversy Over the Bicentennial: Two Views». «U. S. News and World Report», March 24, 1975, p. 35.

⁵ M. Evans. Conservatism. The Americans Are (Really) Coming. «American Opinion», June 1975, p. 43.

⁶ New Program of the Communist Party USA, N. Y., 1970, p. 3.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Тамара СОЛОВЬЕВА - МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119021, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 21, т. 246-21-15

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Советов Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 368

СТАТУЯ СВОБОДЫ ИЗ ПАРИЖА

(с м. стр. 3)

Цена 35 коп.
70458